

Univerzita Karlova v Praze
Filozofická fakulta
Ústav slavistických a východoevropských studií

Věra Harvalíková

Русская Православная Церковь в годы
Великой Отечественной войны

Role the Russian Orthodox Church during
the 2nd World War

Bakalářská práce

Vedoucí bakalářské práce: PhDr. Marek Příhoda, Ph.D.

Praha 2009

ČESTNÉ PROHLÁŠENÍ

Prohlašuji, že jsem bakalářskou práci vypracovala samostatně a že jsem uvedla všechny použité prameny a literaturu.

V Praze, dne 28. 1. 2009

Věra Harvalíková

PODĚKOVÁNÍ

Děkuji vedoucímu bakalářské práce PhDr. Marku Příhodovi, Ph.D. za cenné rady, připomínky a metodické vedení práce.

Содержание

Введение	5
Глава 1. Церковь в годы Великой Отечественной войны	8
1.1. Деятельность Церкви на территории СССР в военное время	8
1.2. Деятельность Церкви на оккупированных территориях	15
Глава 2. Новый этап взаимоотношений Церкви и государства	24
2.1. Факторы влияния на отношения советского государства к Церкви в военные годы	24
2.2. Новый курс государственно-церковной политики в 1943-1945 годах	35
Заключение	52
Резюме	57
Список использованных источников	58

Введение

К началу Великой Отечественной войны отношения между государством и религиозными организациями в СССР были далеки от нормальных. Правда, к сороковым годам сталинское окружение, в основном под влиянием внешнеполитических обстоятельств, уже отказалось от запланированного полного уничтожения Православной церкви в стране. Начиная с сентября 1939 года в состав государства вошли Западная Украина и Белоруссия с миллионами верующих, множеством приходов и монастырей, закрыть которые в обозримые сроки являлось невозможным. Кроме того, перспектива надвигающейся войны заставляла руководство по-другому оценивать роль патриаршей церкви внутри страны и на международной арене. Однако ее положение оставалось трагичным: множество запретов опутывало церковь со всех сторон, сотни священников томились в тюрьмах и лагерях. На всей территории РСФСР (не учитывая Прибалтику, Украину, Белоруссию и Молдавию) к этому времени имелось лишь два правящих архиерея: возглавлявший Московскую Патриархию Патриарший Местоблюститель Сергей (Страгородский)¹ и митрополит Ленинградский Алексей (Симанский).²

В 40-е годы XX столетия во взаимоотношениях советского государства с Русской Православной Церковью произошли разительные, по сравнению с предшествующими десятилетиями, перемены. Исследователи, называя разные причины такой перемены, так и не сошлись в едином мнении, что послужило основной ее причиной и какую дату надо считать за исходную в новой политике государства по отношению к Церкви: июнь 1941 года – начало Великой Отечественной войны, сентябрь 1943 года – начало интенсивного диалога государства с церковным руководством, или может быть какую-то иную?

Несомненным однако является факт, что именно начало войны способствовало изменению взаимоотношений между социалистическим государством и церковью. Глава Русской Православной Церкви митрополит Сергей призвал верующих на «священную войну с Гитлером... за христианскую

¹ Сергей (Страгородский И.Н., 1867-1944) - патриарх Московский и всея Руси в 1943-1944 гг..

² Алексей I (Симанский С.В., 1877-1970) - патриарх Московский и всея Руси в 1945-1970 гг..

цивилизацию, за свободу совести и религии»³ и благословил православных на защиту Родины. Государство перестало чинить препятствия Церкви. Началось открытие храмов...

Итак, целью настоящей работы является исследование взаимоотношений государства и Церкви в СССР в годы Великой Отечественной войны и особенностей государственной политики в отношении к церковным организациям. Для достижения указанной цели перед работой необходима постановка следующих задач:

1. Определить роль Церкви в борьбе против захватчиков в годы войны.
2. Исследовать основные направления деятельности Церкви.
3. Выявить основы взаимоотношений государства и Церкви.
4. Изучить причины сближения интересов государства и Церкви.
5. Исследовать новый курс государственно-церковной политики в 1943-1945 годах, его причины и последствия.

При создании этой работы я встретила с недостатком первоисточников и исторической литературы, в которой бы обобщительно было сказано о положении и роли Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны. Это связано с тем, что все послевоенные годы о патриотической деятельности Русской Православной Церкви и ее весомом материальном вкладе в дело победы старательно умалчивали. Официальная историография войны обходила этот вопрос в своих исследованиях. Только лишь в связи с политическими изменениями в конце 80 годов, а также в связи с открытием архивов по истории Церкви в СССР, стали появляться немногие публикации на эту тему. Однако, до сегодняшних дней, тема остается малоизученной.

При выполнении настоящей работы я прежде всего использовала книгу ученого-историка Д.В. Поспеловского⁴ - "Русская Православная Церковь в XX веке", которая была впервые опубликована зарубежом, на английском языке, в 1983 г., а затем с приходом перестройки в СССР, в 1995 г. и на русском языке. Далее я изучила работу протоиерея В. Цыпина,⁵ "История Русской

³ Беглов, А.Л. К вопросу о масштабах патриотической деятельности Русской Православной Церкви в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М., 2007. С. 1-3.

⁴ Поспеловский, Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995.

⁵ Цыпин, В., протоиерей. История Русской Православной Церкви 1917-1990. М., 1994.

Православной Церкви 1917-1990", которая была издана в 2004 г., в Москве. Много ценной информации я также нашла в статьях научного сотрудника Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, М.В. Шкаровского⁶ и научного сотрудника Института всеобщей истории РАН, А.Л. Беглова.⁷ Далее были в работе использованы книги, статьи, монографии и исторические очерки других ученых-историков, представителей церкви и политических деятелей, список которых приведен в конце работы.

⁶ Шкаровский, М.В. Вклад Ленинградской епархии в победу над фашизмом, СПб., 2007.
Шкаровский, М.В. Германская церковная политика и «религиозное возрождение» на оккупированной территории Белоруссии, Прибалтики и Северо-Запада России. М., 1997.

⁷ Беглов, А.Л. К вопросу о масштабах патриотической деятельности Русской Православной Церкви в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М., 2007.

Глава 1. Церковь в годы Великой Отечественной войны

1.1. Деятельность Церкви на территории СССР в военное время

Русская Православная Церковь на протяжении своего тысячелетнего бытия переживала со своим народом все беды и тяготы. История России наполнена примерами живого и действенного патриотизма духовенства и верующих. Великая Отечественная война явилась новым этапом в истории Русской Православной Церкви. Патриотическое служение духовенства и верующих явилось выражением естественного чувства принадлежности к родине. Предстоятель Русской Православной Церкви знал, как сразу реагировать на нападение врага. Он знал это лучше Сталина,⁸ обратившегося по радио к народу только на 12 день войны, 3 июля 1941 г., со словами: «Дорогие соотечественники! Братья и сестры!». Митрополит Сергей (Страгородский) выступил с обращением «Пастырям и пасомым Христовой Православной церкви» в первый же день войны, 22 июня 1941 г., в праздник Всех святых земли русской.⁹ Это обращение и послужило началом широкой патриотической деятельности Русской Православной Церкви: «Но не в первый раз приходится русскому народу выдерживать испытания. С Божью помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении потому, что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед Родиной и верой, и выходили победителями. Не посрамим же их славного имени и мы – православные, родные им и по плоти, и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить Отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства».¹⁰

⁸ Сталин (Джугашвили) Иосиф Висарионович (1879-1953) - генсек ЦК КПСС в 1922-1953 гг., в 1941-1953 гг. - председатель СНК (СМ) СССР и ГКО, Верховный Главнокомандующий.

⁹ Поспеловский, Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 183.

¹⁰ Беглов, А.Л. К вопросу о масштабах патриотической деятельности Русской Православной Церкви в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М., 2007. С. 1.

В храмах начинают возносить молитвы о победе, причем текст молитвы восходил к молитвословию, возглашавшемуся в православных храмах в 1812 году во время нашествия Наполеона.

Позднее митрополит Сергей сказал, что иерархи Русской Православной Церкви особенно не раздумывали, как вести себя с началом Великой Отечественной войны: «Прежде, чем мы успели определить как-нибудь свое положение, оно уже определилось - фашисты напали на нашу страну, опустошали ее, уводили в плен наших соотечественников».¹¹

В связи с этим, следует отметить, что далеко не все российские православные верующие разделяли позицию занятую митрополитом Сергием и единомысленных с ним пастырей. Особенно ярко такие «антипатриотические» настроения проявились у той части верующих, которая отождествляла советскую власть с властью антихриста. Комплекс таких представлений современные исследователи называют «антисоветским эсхатологизмом».¹² Некоторые из этих верующих восприняли нападение нацистской Германии на Советский Союз как «карающий меч», обрушившийся на «антихристову власть». Однако настроения антисоветского эсхатологизма не были доминирующими для православного населения СССР.

26 июня 1941 г. Алексей (Симанский), митрополит Ленинградский, также обратился к своей пастве с архипастырским посланием, призвавшим к защите Родины. О значимости и результатах этих посланий можно судить по фактам отношения оккупационных властей к распространению пастырских обращений. В сентябре 1941 г. за чтение в храмах первого послания митрополита Сергия в Киеве были расстреляны архимандрит Александр (Вишняков) – настоятель Николо-Набережной церкви – и протоиерей Павел Остренский,¹³ в Симферополе за чтение и распространение этого патриотического воззвания были расстреляны протоиерей Николай Швец, дьякон Александр Бондаренко, старец Викентий.¹⁴ Послания предстоятеля Церкви (а их за период войны было свыше 20) носили не только призывной и консолидирующий характер, но имели и разъяснительные цели. В них

¹¹ Цыпин, В., протоиерей. История Русской Православной Церкви 1917-1990. М., 1994. С. 112.

¹² Беглов, А.Л. К вопросу о масштабах патриотической деятельности Русской Православной Церкви в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М., 2007. С. 2.

¹³ Сообщения из епархий // Журнал Московской Патриархии. 1944. № 4. С. 26.

¹⁴ Сообщения из епархий // Журнал Московской Патриархии. 1944. № 4. С. 16.

определялась твердая позиция Церкви по отношению к захватчикам и войне в целом, независимо от положения на фронте.

4 октября 1941 г., когда Москве угрожала смертельная опасность и население переживало тревожное время, митрополит Сергей выступил с «Посланием к московской пастве», призывая к спокойствию мирян и предупреждая колеблющееся духовенство: «Ходят слухи, которым не хотелось бы верить, будто есть и среди наших православных пастырей лица, готовые идти в услужение ко врагам нашей Родины и Церкви, – вместо святого креста осеняться языческой свастикой. Не хочется этому верить, но если бы вопреки всему нашлись такие пастыри, я им напомню, что Святой нашей Церкви, кроме слова увещания, вручен Господом и духовный меч, карающий нарушителей присяги».¹⁵

11 ноября 1941 г., уже находясь в Ульяновске /куда его власти принудительно эвакуировали/ митрополит Сергей издал новое /третье/ обращение, укрепляющее в народе уверенность в близком часе победы: «Премудрый же и Всеблагий Вершитель судеб человеческих да увенчает наши усилия конечной победой и да ниспошлет успехи воинству русскому, залог нравственного и культурного преуспеяния человечества».¹⁶

Особое внимание в своих Посланиях уделял глава Церкви верующим на временно оккупированной территории. В январе 1942 г. в специальном обращении Патриарший Местоблюститель напомнил православным, чтобы они, находясь в плену у врага, не забывали, что они – русские, и сознательно или по недомыслию не оказались предателями своей Родины. Одновременно митрополит Сергей содействовал и в организации партизанского движения. Так, в послании подчеркнуто: «Пусть ваши местные партизаны будут и для вас не только примером и одобрением, но и предметом непрестанного попечения. Помните, что всякая услуга, оказанная партизану, есть заслуга пред Родиной и лишний шаг к вашему собственному освобождению от фашистского плена».¹⁷

Послания митрополита нарушали государственный закон, ибо тот запрещал любую деятельность Церкви за пределами стен храма и любое

¹⁵ Беглов, А.Л. К вопросу о масштабах патриотической деятельности Русской Православной Церкви в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М., 2007. С. 2-5.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

вмешательство в дела государства и нации. Тем не менее, все выпущенные Местоблюстителем обращения и послания откликнулись на все основные события в военной жизни сражавшейся страны.

Руководствуясь гражданскими чувствами, иерархи, священники и верующие не ограничивались только молебнами о даровании победы Красной Армии, а с первых дней войны участвовали в оказании материальной помощи фронту и тылу. Уже в первые дни июля 1941 г. духовенство в Горьком /сегодняшнем Нижнем Новгороде/ и Харькове, а затем по всей стране организует сбор теплых вещей и подарков для бойцов Красной Армии. В Фонд обороны вносились деньги, золотые и серебряные вещи, облигации государственных займов.

Фактически легализовать сборы денег и вещей среди верующих (незаконные по Постановлению «О религиозных объединениях 1929 г.») митрополиту Сергию удалось лишь в 1943 г., после телеграммы Сталину от 5 января. Сталин дал разрешение и выразил Церкви благодарность за ее деятельность от имени Красной Армии. С получением права на центральный банковский счет Церковь фактически стала юридическим лицом. В конце 1944 года каждая епархия прислала в Синод отчеты о своей деятельности по определенной форме. По предварительным подсчетам взносы общин Русской Православной Церкви составляли более 200 млн. рублей за отчетный период. К концу войны общий взнос Церкви в Фонд обороны превысил 300 млн. рублей.¹⁸ Среди этих документов будут особо выделяться отчеты Ленинградской епархии, выразившей беспримерный гражданский подвиг верующих жителей блокадного города. Ленинградские верующие откликнулись на призыв главы Церкви в числе первых. Начиная с 22 июня 1941 г. повседневной деятельностью священнослужителей стала забота о мобилизации верующих города и всемерное участие в общем деле защиты СССР.

Как было приведено выше, в своем обращении от 26 июля 1941 г. к ленинградцам митрополит Алексей (Симанский) призвал с оружием в руках защищать родину: «Война – священное дело для тех, кто предпринимает ее по необходимости, в защиту правды, отечества. Берущие оружие в таком случае

¹⁸ Беглов, А.Л. К вопросу о масштабах патриотической деятельности Русской Православной Церкви в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М., 2007. С. 2-5.

совершают подвиг правды, и, приемля раны и страдания и полагая жизнь свою за однокровных, за родину, идут вслед мучеников. Поэтому-то Церковь и благословляет эти подвиги».¹⁹

Тысячи верующих ушли в те тревожные дни на фронт. Духовенство города не только утешало молитвами оставшихся прихожан, но и вселяло в них глубокую и непоколебимую веру в торжество правого дела. Паперти ленинградских церквей превращались подчас в настоящие политические трибуны. Священнослужители разоблачали с них античеловечность фашистской идеологии. Горячий отклик в сердцах верующих находили ежедневные молитвы и проповеди о победе русского оружия.

Но не одними молитвами и проповедями жила Церковь в первые месяцы войны. Тревожные сводки с фронта стали дополняться живыми свидетельствами сражений, множество раненых заполнило городские больницы, а затем и переоборудованные под госпитали школы и государственные учреждения. Забота о раненых стала делом всех жителей города. В городской совет Красного Креста поступали десятки заявлений от религиозной общественности.

Следует отметить, что сбор средств на нужды обороны с июля 1941 г. получил широкое распространение среди приходских общин города, тогда как всецерковный призыв «пожертвованиями содействовать нашим доблестным защитникам» глава Русской Православной Церкви митрополит Сергей огласил только 14 октября 1941 г..²⁰

По предложению митрополита Алексея десять приходов Ленинграда при соборах Николо-Морском, Князе-Владимирском и Спасо-Преображенском и при церквях: большеохтинской Никольской, Волковской и Серафимовской кладбищенских, коломяжской Дмитровской, лесновской Троицкой, парголовской Спаса-Нерукотворного и лисинской Князе-Владимирской начали сбор пожертвований в Фонд обороны страны и советского Красного Креста с 23 июня 1941 г..²¹

¹⁹ Шкаровский, М.В. Вклад Ленинградской епархии в победу над фашизмом. СПб., 2007. С. 4.

²⁰ Беглов, А.Л. К вопросу о масштабах патриотической деятельности Русской Православной Церкви в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М., 2007. С. 2-4.

²¹ Шкаровский, М.В. Вклад Ленинградской епархии в победу над фашизмом. СПб., 2007. С. 4-5.

Тревогами и лишениями наполнилась жизнь Ленинграда с сентября 1941 года. Но нет, пожалуй необходимости писать о суровых испытаниях, постигших жителей города в самый трагический для его истории период – первый год блокады. В октябре 1941 г. было зарегистрировано 7,3 тыс. погибших от голода, в ноябре – 11 тыс., в декабре – 52,8 тыс..

С октября 1941 г. по апрель 1942 г. в тылу противника действовала 2-я Ленинградская особая партизанская бригада разведотдела штаба Северо-Западного фронта. Ее глубокий и дерзкий рейд по тылам врага был первым на советско-германском фронте.²²

Понимая исключительно важное значение народного сопротивления в тылу немецких войск, митрополит Алексей обратился к партизанам и жителям оккупированных районов с призывом: «Продолжайте же, братие, подвигаться за веру, за свободу, за честь Родины; всеми мерами, и мужчины и женщины помогайте партизанам бороться против врагов, сами вступайте в ряды партизан, проявляйте себя как подлинно Божий, преданный своей Родине и своей вере народ».²³ Через штаб партизанского движения, руководимого секретарем обкома ВКП(б) М.И. Никитиным, обращение митрополита в листовках было переправлено за линию фронта и распространено среди партизан и населения.

Непоколебимая стойкость и активизация патриотического движения церковных общин осажденного города приводили захватчиков в неистовую ярость. Иначе нельзя объяснить жестокую бомбардировку Ленинграда в пасхальную ночь 1942 г. Безоружным верующим в первую очередь предназначались снаряды и бомбы. В результате варварского обстрела серьезно пострадал Князе-Владимирский собор.

Израженный и голодный город неуклонно продолжал сборы средств в Фонд обороны. К середине второй блокадной зимы они составляли: по Князе-Владимирскому собору – 1 млн. 67 тыс. рублей, по Никольскому – 980 тыс. рублей, по Спасо-Преображенскому собору – 72 тыс. рублей. По церквям: Больше-Охтинской – 811 тыс. 211 рублей, Волкова кладбища – 155 тыс. 332 рубля, Коломяжской – 45 тыс. рублей, Серафимовского кладбища – 60 тыс. рублей. На подарки бойцам ко дню Красной Армии 1943 г. верующие

²² Шкаровский, М.В. Вклад Ленинградской епархии в победу над фашизмом. СПб., 2007. С. 4-6.

²³ Там же.

Ленинграда передали дополнительно еще 539 тыс. 200 рублей.²⁴ В общей сумме сбора средств на строительство танковой колонны имени Дмитрия Донского (около 8 млн. рублей) более 25 % приходится на долю верующих блокадного Ленинграда. После ликвидации блокады одной из главных задач своей деятельности Ленинградская епархия определила заботу о сиротах.

Возглавив Русскую Православную Церковь после смерти патриарха Сергия, митрополит Алексей поддержал почин ленинградских прихожан в общецерковном призыве. В письме к Сталину от 20 мая 1944 г. он писал: «Я нашел благовременным призвать духовенство и верующих нашей Православной Церкви ознаменовать приближение победного конца войны всецерковным сбором щедрых пожертвований в фонд помощи детям и семьям бойцов Красной Армии. Эта забота со стороны всех верующих нашего Союза о детях и семьях наших родных воинов и защитников да облегчит великий их подвиг, а нас да соединит еще более тесными духовными узами с теми, кто не щадит и крови своей ради свободы и благоденствия нашей Родины.» Для начала дела Патриархия вносит 1 млн. рублей.²⁵

Религиозный фактор сыграл существенную роль в обороне города. Именно архивные материалы о денежных отчетах являются бесспорным свидетельством самоотверженности, горячей любви к родине и борьбы за ее независимость верующих и духовенства многострадального города. На 1 октября 1944 г. по епархии было собрано свыше 13 млн. рублей, в том числе на нужды обороны страны – 11 млн. 38 тыс. 507 рублей, на оказание помощи больным и раненым красноармейцам – 2 млн. 363 тыс. 719 рублей. Из них внесено: наличными деньгами – 12 млн. 635 тыс. 969 рублей, облигациями госуд. займов – 973 тыс. 950 рублей, драгоценными предметами на сумму 40 тыс. Собрано предметов вещевого имущества (полотенец, теплых вещей) общей стоимостью 8 тыс. рублей.²⁶

Несомненно, что сборы средств в Фонд обороны, на подарки советской армии, на помощь сиротам, воинам-инвалидам, семьям погибших составляли основную часть деятельности Русской Православной Церкви в годы войны.

²⁴ Шкаровский, М.В. Вклад Ленинградской епархии в победу над фашизмом. СПб., 2007. С. 4-6.

²⁵ Сообщения из епархий // Журнал Московской Патриархии. 1944. № 10. С. 15.

²⁶ Там же. С.16.

1.2. Деятельность Церкви на оккупированных территориях

Готовя войну против СССР, идеологи и стратеги фашизма пытались заранее определить те социальные и духовные силы, которые могли бы стать их опорой в предстоящей схватке. Такими потенциальными союзниками им казались Русская Православная Церковь и традиционная религиозность русского народа. На первый взгляд, ставка на эти факторы была вполне оправдана: большевизм долгие годы преследовал священнослужителей, закрывал храмы, ущемлял в правах верующих.

В системе Главного управления имперской безопасности (Sicherheitsdienst) имелся специальный церковный отдел, в задачи которого входили контроль и наблюдение за деятельностью религиозных организаций всех конфессий, изучение настроения духовенства и мирян, создание агентурной сети в организационно-управленческих церковных структурах. Подобная практика имела место и в самой Германии, и в оккупированных странах Европы. (Гитлер запретил секретным приказом проведение каких-либо мероприятий против религиозных организаций в своей стране без специальных санкций свыше только в июле 1941 г.).²⁷

На временно оккупированных территориях СССР нацистская церковная политика определялась в значительной степени общим отношением к славянам. Как считает историк Д.В. Поспеловский, единого подхода у немецкого руководства в этом вопросе не было: Гитлер²⁸ рассматривал славян как низшую расу; имперский комиссар восточных территорий А.Розенберг,²⁹ назначенный на этот пост в июле 1941 г., рассчитывал привлечь на сторону Германии национальные меньшинства, отождествляя русский народ с большевистской идеологией и террором; а верховное командование вермахта стояло за создание «союзных» русских воинских частей и было против планов расчленения

²⁷ Одинцов, М.И. Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938–1943 гг.). М., 1995. № 2. С. 40–41.

²⁸ Гитлер (Hitler) (Шикльгрубер) Адольф (1889-1945) - фюрер фашистской Национал-социалистской партии в 1921-1945 гг., глава германского фашистского государства.

²⁹ Розенберг (Rosenberg) Альфред (1893-1946) с 1933 г. - руководитель внешнеполитического отдела нацистской партии Германии, с 1941 г. - министр оккупированных восточных территорий (Ostministerium).

России.³⁰ Часть военного командирования выступила против плана ведения войны на двух фронтах.

Первые оккупированные области А.Розенберг получил в свое ведение в конце августа, а 1 сентября 1941 г. были созданы рейхскомиссариаты «Украина» и «Остланд». Тем же днем датируется и циркуляр Главного управления имперской безопасности о религиозной политике на Востоке «О понимании церковных вопросов в занятых областях Советского Союза», который определил основные направления работы:

- поддержать религиозные движения как враждебные большевизму;
- дробить их на мелкие течения во избежание консолидации для борьбы с Германией;

- не допускать контактов лидеров разных конфессий;
- использовать религиозные организации для помощи немецкой администрации.³¹ Факторы дробления и раскола должны были стать ядром религиозной политики, которая окончательно сложилась к весне 1942 г.. Сохранилось свидетельство самого А.Розенберга о его переговорах с А.Гитлером и М.Борманом³² 8 мая 1942 г., на которых отмечалось, что на занятых территориях уже возникают «сами собой» большие религиозные объединения, которые следует использовать и контролировать. Отдельного закона о религиозной свободе в восточных областях решено было не издавать, а провести все мероприятия по установлению веротерпимости от имени рейхскомиссариатов «Украины» и «Остланда».³³

Уже в июле 1942 г. были изданы первые распоряжения, в которых провозглашалось право верующих организовывать религиозные объединения, при этом подчеркивалась их автономность, что, в свою очередь, ограничивало власть епископа. Так, в распоряжении рейхскомиссара «Остланда» Х.Лозе от 19 июля подчеркивалось:

«1. Религиозные организации занятых земель должны представить генеральному (районному) комиссару следующее: а) название религиозного

³⁰ Поспеловский, Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 204.

³¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.

³² Борман (Bormann) Мартин (1900-1945) - в 1941-1945 гг. - ближайший советник Гитлера и руководитель его партийной канцелярии.

³³ Алексеев, В.И., Ставру, Ф.Г. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. 1981. № 13. С. 93.

общества, б) вероисповедание руководства, в) список членов президиума общества, г) список имущества местных религиозных обществ.

2. утвердить новое общество может только рейхскомиссар района по заявлению верующих.

3. а) необходимо признание президиума районному комиссару, подтверждающее утверждение о том, что общество не носит политический характер, б) генеральный комиссар может высказать свое сомнение о характере общества.

4. религиозные организации на местах могут выполнять только религиозные задачи.

5. а) при нарушении распоряжения накладывается денежный штраф, б) рейхскомиссар может распустить общество, как не выполняющее свою задачу».³⁴

Параллельно с регистрацией обществ (до 1943 г. включительно) шло открытие храмов на временно оккупированных территориях.

По подсчетам историка М.В. Шкаровского, на захваченных территориях РСФСР открылось 2150 храмов: около 470 на Северо-Западе, 332 – в Курской области, 243 – в Ростовской, 229 – в Краснодарском крае, 127 – в Ставропольском, 108 – в Орловской области, 116 – в Воронежской, 70 – в Крымской, 60 – в Смоленской, 8 – в Тульской и около 500 в Орджоникидзевском крае, Московской, Калужской, Сталинградской, Брянской и Белгородской областях (в двух последних не менее 300).³⁵

До сегодняшнего дня церковная жизнь на оккупированной врагом территории остается малоизученной. Одна из не разгаданных до конца страниц в истории минувшей войны – деятельность членов церковной организации «Православная миссия в освобожденных областях России», известной также как «Псковская православная миссия». Она была создана под эгидой оккупационных властей на территории Псковской, Новгородской, Ленинградской и Калининской областей и провозгласила своей официальной целью восстановление церковной жизни, «разрушенной советской властью».

³⁴ Васильева, О.Ю. Советское государство и деятельность Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны. М., 1990. С. 110-111.

³⁵ Шкаровский, М.В. Германская церковная политика и «религиозное возрождение» на оккупированной территории Белоруссии, Прибалтики и Северо-Запада России. М., 1997. С. 192.

Предыстория этой организации такова. В 1936 г. под давлением растущего национализма в политике Латвии и Эстонии православные церкви в этих странах порвали с Московской патриархией и перешли в юрисдикцию Константинопольского патриарха. Лидером националистского крыла Латвийской Церкви стал митрополит Августин (Петерсон), но была и сильная оппозиция ему, особенно среди полулегальных студенческих движений. В 1940 г., после установлении советской власти в Латвии и Эстонии и образовании Латвийской и Эстонской ССР, оппозиция заставила митрополита Августина просить Московскую Патриархию о воссоединении. В Москве с ответом не спешили. Русская Православная Церковь находилась тогда в трудном положении. Действующих архиерейских кадров не хватало. Наконец, после неоднократных просьб, воссоединение Церквей состоялось.

В феврале 1941 г. в составе Латвийской и Эстонской епархий был учрежден Московской Патриархией Прибалтийский экзархат как особая митрополичья область. Возглавил его митрополит Литовский и Виленский Сергей (Воскресенский),³⁶ бывший одним из ближайших сотрудников Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского).

Более того, никто из недавних раскольников не был лишен сана. И даже митрополит Августин (Петерсон) после покаяния, которое принес в Кафедральном соборе Русской Православной Церкви – Елоховском – был прощен.

Все это произошло в феврале-марте 1941 г., а уже через месяц после начала войны митрополит Августин обратился к немецким оккупационным властям с просьбой дать свое соизволение на восстановление Латвийской Церкви в юрисдикции Константинопольского патриархата и на изгнание из Латвии экзарха Сергия (Воскресенского).

Но немцы поддержали не Августина, а митрополита Сергия, которого раскольники открыто называли «большевистским ставленником» и «агентом ЧК». Фашистские власти предложили митрополиту Сергию (Воскресенскому) действенную поддержку против раскольников – в борьбе за сохранение канонической принадлежности Экзархата к Московской Патриархии. В ответ они хотели, чтобы экзарх создал церковное управление – «Православную

³⁶ Сергей (Воскресенский Д.Н., 1897-1944) в 1941-1944 гг. митрополит Виленский и Литовский, экзарх Латвии и Эстонии.

миссию в освобожденных областях России». Деятельность такой организации должна была стать экспериментом по претворению планов переустройства религиозной жизни СССР.

Экзарх Сергей дал согласие. И у него и у оккупационных властей существовали свои собственные цели. Свои планы были у советской разведки.

Так, один из ее руководителей П.А. Судоплатов в своих мемуарах, вышедших в 1995 г., вспоминал: «Уместно отметить и роль разведки НКВД в противодействии сотрудничеству немецких властей с частью деятелей Русской Православной Церкви на Псковщине и Украине. При содействии одного из лидеров в 30-х годах «обновленческой» церкви житомирского епископа Ратмирова и блюстителя патриаршего престола митрополита Сергея нам удалось внедрить наших оперативных работников В.М. Иванова и И.И. Михеева в круги церковников, сотрудничавших с немцами на оккупированной территории. При этом Михеев успешно освоился в профессии «священнослужителя». От него поступала информация о «патриотическом настрое церковных кругов».³⁷

Вероятно, в Прибалтике митрополит Сергей (Воскресенский) остался с согласия Патриаршего Местоблюстителя, оставаясь проводником линии Московской Патриархии и во время оккупации, возрождал на занятых немцами территориях религиозную жизнь.

В Псковской области к началу войны оставались действующими всего пять храмов, а сама Псковская епархиальная кафедра была упразднена в 1940 г.. К началу 1942 г. на оккупированных землях Псковщины был уже 221 храм с числом священников – 84. Клириков не хватало, поэтому один священник окормлял два-три прихода.³⁸

В Политическое Управление Северо-Западного фронта постоянно приходили шифровки, в которых возрождению религиозной жизни на временно оккупированных территориях уделялось большое внимание. Вот как в одной из них (1942 г.) оценивалась немецкая религиозная политика: «Немецкое командование широко использует в своих целях церковь. Ряд церквей, особенно в Дновском районе, восстановлены, и в них проходит богослужение. О службах

³⁷ Судоплатов, П.А. «Остаюсь единственным живым свидетелем...» // Молодая гвардия. 1995. № 5. С. 40.

³⁸ Долг христианина пред Церковью и родиной в эпоху отечественной войны // Журнал Московской Патриархии. 1943. С. 15.

даются объявления в газетах. Особенно большая служба была в городе Дно в июле месяце с крестным ходом – по случаю годовщины оккупации города Дно. На этом сборище присутствовали представители германского командования. На богослужении глава города Дно произнес речь, в конце которой призвал население благодарить немецкое командование за освобождение города от красных».³⁹

Казалось бы, этот и подобные факты свидетельствуют о сложившемся альянсе между оккупационными властями и Церковью, о чем так долго потом говорила официальная советская пропаганда. Однако ранее неизвестная закрытая директива Главного управления имперской безопасности (Sicherheitsdienst) раскрывает суть религиозной политики немецких властей на оккупированных территориях. Этот документ тяжело читать. Его тотальный расизм не оставляет сомнений в судьбе православия в случае победы Рейха. Оно перестало бы существовать. Священство было бы искоренено, а «новую религию» несли бы новые проповедники, свободные от любого вероисповедания. Эту инструкцию подтверждают и документы из Центрального государственного Особого архива, созданного на основании Постановлений Совета Народных Комиссаров СССР в марте 1946 г. для хранения и использования документов учреждений, организаций и лиц иностранных государств.⁴⁰

На основании донесений «оперативных команд», действовавших на оккупированной территории СССР, Управление издавало свои Бюллетени Полиции безопасности для освещения вопросов, касающихся действий «оперативных команд» против партизан, подпольщиков. В одном из бюллетеней была опубликована директива Главного управления имперской безопасности от 5 февраля 1943 г., определяющая порядок богослужения для солдат Вермахта и покоренных народов. Они тесно переплетаются с инструкцией, приведенной выше, и предписывают: «Религиозной деятельности гражданского населения не содействовать и не препятствовать. Военнослужащие должны безусловно держаться в стороне от таких мероприятий населения. Запрещается далее допускать или привлекать гражданское духовенство из Рейха или из-за границы в оккупированные

³⁹ Яковлева, Н.С. Третий рейх и Православная Церковь // Наука и религия. № 5. 1995. С. 25.

⁴⁰ В настоящее время он называется Центром хранения историко-документальных коллекций.

восточные области. Военное богослужение в оккупированных восточных областях разрешается проводить только как полевое богослужение, ни в коем случае не в бывших русских церквях. Участие гражданского населения (также и фольксдойче) в полевых богослужениях Вермахта запрещено. Церкви, разрушенные при советском режиме или во время военных действий, не должны ни восстанавливаться, ни приводиться в соответствие с их назначением органами немецких вооруженных сил. Это следует предоставить русской гражданской администрации».⁴¹

Экзарх митрополит Сергей, давая согласие на управление церковными делами в северо-западных областях, рассчитывал прежде всего на возрождение здесь традиционной религиозной жизни. Так и появилась Православная Миссия с центром в Пскове.⁴² 18 августа 1941 г. в этот город прибыли первые 14 миссионеров-священников, среди которых были как выпускники православного Богословского института в Париже, так и деятели Русского Христианского Союза. Территория, входившая в ведение Миссии, включала в себя юго-западную часть Ленинградской области (за исключением Ямбургского и Волосовского районов), часть Калининской области (включая Великие Луки), Новгородскую и Псковскую области, с населением около 2 млн. человек. Начальником Управления «Православной миссии в освобожденных областях России» стал Кирилл Зайц, бывший настоятель Рижского Кафедрального собора, чья деятельность устраивала и экзарха, и немецкие власти. В материальном отношении Миссия самообеспечивалась, пополняя свои ресурсы из прибылей поступавших от хозяйственного отдела (куда входили свечной завод, магазин церковных принадлежностей, иконописная мастерская) и от 10 % отчислений поступавших из приходов. Ее месячный доход в 3-5 тыс. марок покрывал расходы Управления, а свободные денежные суммы Миссии шли на содержание Богословских курсов в Вильнюсе. (Для восстановления церковной жизни требовались священнослужители).⁴³

Напутствуя первых миссионеров, среди которых были, в частности, воспитанники Богословского института в Париже, священники Кирилл Зайц, Владимир Толстоухов, Алексей Ионов, Николай Колиберский, Иоанн Легкий,

⁴¹ Яковлева, Н.С. Третий рейх и Православная Церковь // Наука и религия. № 5. 1995. С. 25.

⁴² «Псковская православная миссия»: под таким именем она и упоминалась крайне редко в советской истории – как профашистская организация.

⁴³ Яковлева, Н.С. Третий рейх и Православная Церковь // Наука и религия. № 5. 1995. С. 26.

Яков Начис, Федор Ягодкин, экзарх Сергей рекомендовал «не забывать, что вы прибыли в страну, где на протяжении более двадцати лет религия самым безжалостным образом отравлялась и преследовалась, где народ был запуган, принижен, обезличен. Придется не только налаживать церковную жизнь, но и пробуждать народ к новой жизни от долголетней спячки, объясняя и указывая ему преимущества и достоинства новой, открывающейся для него жизни».⁴⁴

Действительно, церковная жизнь в Псковской, так же, как и в других областях России, угасла за годы «воинствующего безбожия». По распоряжению о. Кирилла Зайца все сведения о гонениях на Церковь были собраны священниками и представлены в управление Миссии. Туда же миссионеры передали списки ликвидированных советской властью священнослужителей.

Ради возрождения религиозной жизни в регионе – впервые в России – зазвучало в радиоэфире слово пастыря: еженедельные передачи шли из Пскова. В сентябре 1942 года священник Георгий Бенигсен прочитал первый доклад – на тему «Религия и наука». Второй доклад – «Игумен всея Руси» – О.Г. Бенигсен посвятил 550-летию памяти Преподобного Сергия Радонежского. (Еженедельные трансляции из Пскова охватывали значительную территорию, включая районы Острова, Порхова, станции Дно).

Говоря о приходской жизни, нельзя не заметить одной важной детали: она проходила под двойным контролем. С одной стороны, деяния миссионеров-священников курировали оккупационные власти, а с другой – советские партизаны. Эти постоянные контакты не могло оставить без внимания немецкое руководство, обязавшее через о. Кирилла Зайца каждого священника давать письменные отчеты обо всех встречах с партизанами. Отчет о. Кирилла Зайца отмечал противоречивость имевшихся сведений: «По словам одних, партизаны считают священников врагами народа, с которыми стремятся расправиться. По словам других, партизаны стараются подчеркнуть терпимое, и даже благожелательное, отношение к Церкви и, в частности, к священникам».⁴⁵ Немецкую администрацию интересовало особо, «верит ли народ агитационным сообщениям об изменении церковной политики и как он на эти сообщения реагирует».⁴⁶ Письменные сообщения стали поступать в Управление Миссии

⁴⁴ Яковлева, Н.С. Третий рейх и Православная Церковь // Наука и религия. № 5. 1995. С. 27.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

регулярно. Содержание их было разнообразным. Вот, например, документ от 20 марта 1943 г., присланный о. Владимиром Толстоуховым: «Поблизости от моего прихода отряд партизан временно захватил деревню, при этом их начальник побуждал крестьян к усердному посещению Церкви, говоря, что в Советской России Церкви дана теперь полная свобода и что власть коммунистов идет к концу».⁴⁷

Судя по другим отчетам, партизаны строго следили за тем, чтобы в проповедях священнослужителей не было каких-либо выступлений против советской власти. А в одном из приходов, как сообщалось, представитель партизанского движения попросту говорил, как представитель советской власти на своей земле: «было высказано пожелание о сборе средств в церкви на Красную Армию и дан намек о незаконности в обслуживании двух приходов одним священником, расположенных при этом еще в разных районах».⁴⁸ Этому настоятелю, о. Иоасафу, партизаны предложили даже написать письмо в Москву, Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Сергию (Страгородскому): последний, мол, пришлет ответ, то есть утвердит или не утвердит данного священника в занимаемом приходе.

Полной неожиданностью для оккупационных властей стал протест верующих на территории Миссии против изменения церковных порядков – введения нового стиля (григорианского календаря). Это явление встречалось повсеместно на временно оккупированных территориях. Характерна и реакция верующих – защита, отстаивание своих прав на религиозную национальную традицию, и их ссылка на установившийся при советской власти порядок невмешательства властей в дела канонические.

Все это осложняло деятельность немецких военных теоретиков, вынуждая их искать все новые способы в работе с Церковью на оккупированной территории.

⁴⁷ Яковлева, Н.С. Третий рейх и Православная Церковь // Наука и религия. № 5. 1995. С. 28.

⁴⁸ Там же.

Глава 2. Новый этап взаимоотношений Церкви и государства

2.1. Факторы влияния на отношения советского государства к Церкви в военные годы

Появившееся в начале осени 1943 г. в газете «Известия» сообщение о том, что «4 сентября у председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. И.В. Сталина состоялся прием, во время которого имела место беседа с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием, Ленинградским митрополитом Алексием и экзархом Украины Киевским и Галицким митрополитом Николаем»,⁴⁹ до сих пор вызывает ряд вопросов. Одним из них является вопрос, что же именно заставило руководителя коммунистической партии, в уставе которой четко прописана борьба с религиозными пережитками, обратиться к Русской Православной Церкви.

В газете сообщалось: «Во время беседы митрополит Сергей довел до сведения председателя Совнаркома, что в руководящих кругах Русской Православной Церкви имеется намерение в ближайшее время созвать Собор епископов для избрания патриарха Московского и всея Руси и образования при патриархе Священного Синода». На что «глава правительства тов. И.В. Сталин сочувственно отнесся к этим предложениям и заявил, что со стороны правительства не будет к этому препятствий».⁵⁰ В заметке также говорилось и о присутствии заместителя председателя Совнаркома СССР тов. В.М. Молотова.⁵¹

Если учитывать, что к рассматриваемому периоду официальных взаимоотношений советского государства и церкви не существовало, после того как в 1938 г. была упразднена Комиссия по культовым вопросам, работавшая при президиуме ЦИКа СССР, то сама возможность появления руководителей православной церкви у председателя Совнаркома вызывает недоумение. Аннуляция комиссии означала ликвидацию самой возможности контактов между этими органами, что явилось закономерным следствием потери чувства

⁴⁹ Николай (Ярушевич Б.Д., 1892-1961), в 1941-1944 гг. - экзарх Украины, митрополит Киевский и Галицкий.

⁵⁰ Пospelовский, Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 188.

⁵¹ Молотов (Скрябин) В.М., 1890-1986, в 1941-1957 гг. первый заместитель председателя СНК (СМ) СССР.

реальности при оценке религиозности населения, порождало упрощенные, вульгарные представления о причинах и темпах секуляризации советского общества.⁵²

Вся политика советской власти по отношению к церкви все первые годы ее существования была наполнена стремлениями уничтожить церковь как классового врага. В первую очередь это касалось духовенства, которое было расценено советской властью как «мракобесы в рясах, ермолках и чалмах». В дальнейшем она сменилась стадией проведения политики индоктринации, т. е. настойчивого приобщения населения к официальной идеологии. Данная стратегия охватила все слои населения и заключалась в утверждении скорейшего построения безрелигиозного общества. Работа проводилась в форме «безбожных» пятилеток, создания в СССР «безбожных колхозов», деревень и поселков, формирования 10-миллионной армии членов Союза воинствующих безбожников (СВБ). Все это свидетельствовало, что бесчинства советской власти по отношению к Русской Православной Церкви (РПЦ) продолжались бы неизвестно как долго, если бы не Великая Отечественная война 1941-1945 гг..

В 1995 г. скончавшийся высокопреосвященнейший Иоанн митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский во своих воспоминаниях писал: «Ужасный удар войны спас Россию от мучительной смерти, которая шла от ревнителей «безбожных пятилеток».⁵³

Начало Великой Отечественной войны рассеяло господствующую иллюзию среди большевистского руководства об успешном и повсеместном «преодолении религии» и победе «безбожного» движения. Война заставила по-иному увидеть положение дел в стране, в том числе и в области идеологии, обозначить иные ценности, чем мировая революция и построение социализма. В стране насчитывались миллионы верующих, ограниченных в возможностях удовлетворять свободно и открыто свои религиозные потребности. По переписи населения 1937 г. 2/3 сельского и 1/2 городского населения считали себя верующими.⁵⁴ Достоверность этих данных также подтверждает во своей книге "История Русской Православной церкви"⁵⁵ протоиерей Владислав Цыпин.

⁵² Одинцов, М.И. О встрече И.В. Сталина с руководителями Русской православной церкви 4 сентября 1943 г. // Атеистические чтения. №19. С. 8-12.

⁵³ Иоанн, митрополит. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1994. С. 316.

⁵⁴ Кузнецов, И.Н. Отечественная история. М., 2008. С. 402.

⁵⁵ Цыпин, В., протоиерей. История Русской Православной Церкви 1917-1990. М., 1994.

Этим решили воспользоваться немецко-фашистские агрессоры. Ведя свои захватнические войны, вожди нацистской Германии открыто отвергали нравственные христианские ценности и пытались возродить древнегерманский языческий культ. В речи митрополита Сергия на молебне о победе русского воинства, который прошел вечером 26 июня 1941 года в Богоявленском соборе в Москве, подчеркивалось: «Глубоко ошибаются те, кто думает, что теперешний враг не касается наших святынь и ничьей веры не трогает. Известный немецкий полководец Людендорф, посылавший своих солдат на смерть сотнями тысяч, с годами пришел к убеждению, что для завоевателя христианство не годится... Поэтому генерал призывает своих германцев бросить Христа и кланяться лучше древнегерманским идолам - Вотану и другим...».⁵⁶ Древнеарийский знак свастики стал мистическим символом «нового порядка». Но все это не помешало гитлеровцам в своей антисоветской пропаганде предстать в облике апологетов религии. В своих пропагандистских обращениях к русскому народу гитлеровцы стремились явиться в облике защитников христианской веры, которые объявили «крестовый поход» с целью освобождения православной Церкви от большевиков.

Русская Православная Церковь совсем иначе отнеслась к заявлению Германии, определив ее как агрессора. Как было уже выше указано, Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергий в первый же день войны написал «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви». В этом послании, обличая захватническую сущность фашизма, митрополит призвал русский народ на защиту Отечества. При этом он особо обращал внимание на то, что «православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она несла испытания и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг... Господь нам дарует победу».⁵⁷

Эту и последующие свои проповеди-призывы Местоблюститель размножает на ротаторе и рассылает по сохранившимся приходам для зачитания с амвона. Данный поступок был гражданским подвигом, так как по советским

⁵⁶ Беглов, А.Л. К вопросу о масштабах патриотической деятельности Русской Православной Церкви в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М., 2007. С. 2.

⁵⁷ Там же.

законам того времени такие деяния были наказуемыми. Церкви строжайше запрещалось вмешиваться в политические и государственные вопросы. Всего митрополит Сергей за годы Великой Отечественной войны выпустил 23 послания.

В условиях растерянности, которая охватила Сталина (ему понадобилось двенадцать дней, чтобы подготовиться к выступлению перед народом), его готовность опереться на любые антифашистские настроения способствовала тому, что этот документ послужил началом патриотической работы Русской Православной Церкви в широких масштабах. Во всех еще не разрушенных православных храмах шли богослужения, после которых читалась молитва, составленная еще в Отечественную войну 1812 г., в основной текст которой были внесены лишь небольшие изменения.

В сложившихся условиях партийное и государственное руководство СССР пошло на изменение своей политики по отношению к Русской Православной Церкви. Уже 27 июня 1941 года Центральный совет Союза воинствующих безбожников СССР своим постановлением президиума дал местным организациям директиву о перестройке работы организации СВБ в условиях войны. Как указывалось в постановлении, «эта организация по политическим соображениям данного момента свернула на время свою специфическую антирелигиозную деятельность». В постановлении ей предлагалось «вести главным образом антифашистскую пропаганду. принимать самое активное участие в оказании конкретной формы помощи фронту».⁵⁸

В 1941-43 гг. было разрешено открыть ряд новых приходов, параллельно возобновилась служба в заброшенных, никак не используемых храмах. В ноябре 1942 г. в связи с 25-летием Октябрьской революции в газетах было опубликовано юбилейное приветствие И.В. Сталину от Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергея. Это было первое поздравление Церкви на государственном уровне. Митрополит Киевский Николай был назначен членом Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний. Более того, Николай выступил организатором пропаганды за границей и вскоре стал представителем Патриархии в

⁵⁸ Кузнецов, И.Н. Отечественная история. М., 2008. С. 410.

международных отношениях, и не только Патриархии, но и советского правительства.⁵⁹

В 1947 г. полностью прекратил свое существование Союз воинствующих безбожников и его средства и функции были переданы Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний «Знание». В целом в эти годы расширилась издательская деятельность, не чинились препятствия массовым богослужениям и общецерковным сборам в патриотические фонды, снимались ограничения на внекультовую деятельность.

Показателен в данном случае и такой факт, как неоднократное обращение за помощью к иконе Казанской Божией Матери - хранительницы земли русской. Так, в 1941 г. митрополит Гор Ливанских Илия имел видение Божией Матери, которая объявила ему, что Ленинград будет спасен, если Казанскую икону из Князь-Владимирского собора с крестным ходом обнесут вокруг города. Митрополит связался с представителями русской церкви, а они оказали содействие для выхода на советское правительство. Учитывая обстановку того времени, Сталин разрешает крестный ход. Казанскую икону вынесли из собора и пронесли по осажденному городу.⁶⁰ После окончания Второй мировой войны митрополит Илия посетил по приглашению патриарха Москву. В дальнейшем к помощи иконы обращались при осаде Москвы, ее изображение облетело на самолете осажденную столицу, при обороне Сталинграда, штурме Кенигсберга.

Все вышеперечисленное свидетельствует о наличии тенденции к нормализации взаимоотношений между социалистическим государством и церковью, но никаких прямых контактов в это время еще не было. Руководству социалистического государства понадобилось еще много времени для того, чтобы пойти на взаимодействие с Русской Православной Церковью. Значительную роль здесь сыграл внешнеполитический фактор. Стремительное развитие событий после встречи 4 сентября 1943 г. Сталина с руководством Русской Православной Церкви, как и сама беседа, имеют свои объяснения.

В истории 1943 г. знаменуются различными событиями, и одно из них, это проведение Тегеранской конференции. Она способствовала переходу из плоскости разговоров к практической выработке шагов по открытию Второго

⁵⁹ Поспеловский, Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 185.

⁶⁰ Орехов, Д.В. Святые иконы России. СПб., 2000. С. 36.

фронта. В то же время это было начало борьбы за сферы влияния как в Европе, так и во всем мире в послевоенные годы. Как известно, нападение фашистской Германии на СССР привело к созданию союзнической коалиции стран с различным социальным устройством. Планы президента США Ф.Рузвельта вступить в войну с Германией на стороне Советского Союза широко обсуждались в Америке. Против позиции президента выступил американский Совет церковью Христа, который на своей конференции вынес резолюцию о том, что участие США в войне на стороне СССР недопустимо уже лишь потому, что Советский Союз, это безбожное государство,⁶¹ особенно по этому поводу возражали католические круги.⁶²

Желая снизить накал антисоветских настроений, Рузвельт поручил послу США в Москве собрать и предоставить материал, который бы доказывал, что положение религиозных общин в СССР соответствует демократическим стандартам. Правительство США, разумеется, прекрасно было осведомлено об истинном положении дел в стране Советов, но, вступая в войну, необходимо было оправдаться в глазах христианской общественности собственной страны, обеспокоенной положением верующих в Советском Союзе. Более того, Рузвельт напрямую обратился к римскому папе Пию XII с просьбой «умерить антисоветский пыл американских церковников, подрывающих антифашистскую коалицию».⁶³

Именно озабоченность религиозных кругов Америки могла стать одной из причин соответствующей реакции со стороны советского правительства. Подтверждением этого явилась публикация Московской Патриархией в 1942 г. книги «Правда о религии в России», предназначенной главным образом для распространения зарубежом и отпечатанной одновременно на нескольких языках. Интересно отметить, что Церкви была передана типография Союза воинствующих безбожников и по оплошности часть тиража имела гриф антирелигиозного издательства. В связи с тем, что книга предназначалась для пропаганды за границей, в самом Советском Союзе в продажу поступило лишь небольшое количество экземпляров. В предисловии к книге митрополит Сергей так охарактеризовал задачи стоящие перед изданием: «Эта книга есть ответ

⁶¹ Боффа, Дж. История Советского Союза. М., 1990. Т. 2. С. 136.

⁶² Там же.

⁶³ Григулевич, И.Р. Папство, век XX. М., 1981. С. 247-248.

прежде всего на «крестовый поход» фашистов, предпринятый ими якобы ради «освобождения» нашего народа и нашей Православной Церкви от большевиков. Но вместе с тем книга отвечает и на общий вопрос: признает ли наша Церковь себя гонимой большевиками и просит ли кого об освобождении от таких гонений?»⁶⁴

Объясняя позицию советского правительства к РПЦ, митрополит пытается оправдать политику компартии тем, что «церковная буржуазия видит гонение, главным образом, в отказе государства от векового союза с церковью, в итоге чего церковь и духовенство как сословие и профессия лишились некоторых прав: владения землей и коммерческими предприятиями, разных сословных привилегий, сравнительно с «простым народом» и т. п. В противовес данному подходу блюститель патриаршего престола митрополит Сергей пишет: «Между тем простой православный народ, слыша в Евангелии наставления Христовы апостолам склонен видеть в происшедших переменах не гонение, а скорее, возвращение к апостольским временам, когда Церковь и ее служители. смотрели на свое служение не как на профессию среди других житейских профессий, доставлявшую им средства к жизни, а как на следование призванию Христову».⁶⁵ В рассуждениях митрополита явственно прослеживаются тенденции переориентировки с социально-политических проблем на нравственный аспект. В издании особо подчеркивался традиционный патриотизм Русской Православной Церкви от Александра Невского до наших дней. В книге обращалось внимание на тесную связь между русским народом и его Церковью. Жертвенная любовь к ближнему во имя Бога рассматривалась как источник народной силы, что как бы подсказывало необходимость обратиться к Всевышнему, так как только Его помощь может обеспечить победу, одной физической силы для этого недостаточно.

Предисловие митрополита Сергия и статьи, помещенные в книге, отражали лишь некоторые стороны положения Русской Православной Церкви в России, что следует хотя бы из того, что отсутствуют какие-либо

⁶⁴ Цыпин, В., протоиерей. История Русской Православной Церкви 1917-1990. М., 1994. С. 114-120.

⁶⁵ Там же.

статистические данные. Нет ни слова о конфликтах с властями и о преследованиях, которым подвергалась Церковь.

Причины необходимости во Втором фронте для СССР заключались в том, что немецко-фашистская армия хотя и переживала кризис после разгрома в ходе Сталинградской битвы, но еще реально существовала угроза, что она может вернуть свою боевую мощь. И.В. Сталин в приказе в связи с 25-летием Красной армии 23 февраля 1943 г. подчеркивал: «Борьба против сильного врага потребует времени, жертв, напряжения наших сил и мобилизации всех наших возможностей».⁶⁶

В этой связи советское правительство настаивало на выполнении союзниками своих обязательств о вторжении на европейский континент широкими силами весной 1943 г. В конце 1942 г. в своих посланиях премьер-министру Великобритании и президенту США И.В. Сталин несколько раз напоминал союзникам об их обещаниях. В посланиях Сталина от 15 и 16 марта 1943 г. президенту США и премьер-министру Великобритании со всей определенностью проводилась мысль о том, чтобы удар с Запада больше не откладывался. В обращениях подчеркивалось: «в условиях, когда Гитлер проводит новые крупные мероприятия по восстановлению и увеличению своей армии к весенним и летним операциям против СССР, особенно важно, чтобы этот удар был нанесен весной или в начале лета».⁶⁷

Советское правительство также рассматривало открытие Второго фронта в Европе в качестве важнейшего условия укрепления отношений с Великобританией и США.

Однако со стороны западных союзников шло намеренное оттягивание открытия Второго фронта в Европе. Чем значительнее были победы Советской армии, чем больше укреплялся международный авторитет СССР, тем больше лидеры западных демократических государств опасались «большевизации» послевоенной Европы. Это был курс уклонения от активных решительных столкновений с Германией. Подготовка к вторжению на европейский континент не отдавалось никакого предпочтения перед другими операциями союзников. Англичане не предусматривали открытие Второго фронта даже в 1944 г..⁶⁸

⁶⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1982, Т. 1. С. 82.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1982, Т. 1. С. 178.

Немаловажной была для Советского Союза и материальная помощь, главным образом в форме американских поставок по ленд-лизу.⁶⁹ Если прямые поставки вооружения не имели для СССР принципиального значения (они составляли 10-12 % объема военного производства страны), то более 400 тысяч грузовиков помогли моторизовать Красную Армию и одновременно позволили перевести немногочисленные автомобильные заводы СССР на выпуск военной продукции. Кроме этого, поставлялся бензин для авиации и дефицитный металл для советской промышленности.⁷⁰

Союзники посчитали возможным использовать данную помощь для достижения своих целей. Весной 1943 г. были полностью прекращены поставки военных материалов Советскому Союзу по Северному морскому пути. 30 марта 1943 г. Черчилль сообщил советскому правительству о согласованном с США решении прекратить до сентября отправление в СССР северных конвоев, сделав оговорку, что в сентябре поставки могут быть возобновлены, только если позволит благоприятная обстановка в Северной Атлантике. Глава советского правительства в своем послании Черчиллю от 2 апреля 1943 г. расценил «этот неожиданный акт как катастрофическое сокращение поставок военного сырья и вооружения Советскому Союзу со стороны Великобритании и США, так как путь через Великий океан ограничен тоннажем и мало надежен, а южный путь имеет меньшую пропускную способность... это обстоятельство не может не отразиться на положении советских войск».⁷¹ В послании от 26 мая 1943 г. Рузвельту Сталин писал: «Мы готовимся к встрече нового германского наступления и к контратакам, но у нас не хватает самолетов и авиабензина».⁷²

Кроме срывов поставок по ленд-лизу наблюдается определенная тенденция, направленная на политическую изоляцию СССР. Глава советского правительства не был приглашен принять участие в Вашингтонской конференции, проходившей с 12 по 25 мая 1943 г. Министр иностранных дел Иден лишь периодически информировал о работе конференции советского посла в Великобритании.

⁶⁹ Ленд-Лиз (от англ. - "давать займы" и "сдавать в аренду") - политика руководства США в годы Второй мировой войны, направленная на передачу займы или в аренду вооружения, боеприпасов, продовольствия и иных товаров странам сражающимся против Германии и ее союзников.

⁷⁰ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1982, Т. 1. С. 182.

⁷¹ Земсков, И.Н. Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982. С. 173-174.

⁷² Там же. С. 187.

В ответ на послание Сталина по поводу отсрочки с открытием Второго фронта, которое английский посол в Москве Керр трактовал как «чувство разочарования», Черчилль дал строгое указание «занять жесткую позицию» в отношении любого проявления недовольства, при этом «сделать Сталину дружеский намек на опасность раздражения двух западных держав, которые могут сыграть полезную роль в будущем России».⁷³ Более того, 2 июля английский премьер-министр при встрече с советским послом заявил, что он думает прекратить непосредственный обмен посланиями с главой советского правительства, так как это приводит лишь «к трениям и взаимному раздражению».⁷⁴

Причины данной позиции - опасения влияния сильного социалистического государства на послевоенную жизнь Европы. Это наглядно проявляется в беседе, прошедшей между посетившим Москву издателем газеты «Нью-Йорк Таймс» Сульцбергером и наркомом иностранных дел СССР Молотовым 5 июля 1943 г. Последний был проинформирован о том, что общественное мнение США особенно интересуется послевоенная проблема. В частности, издателя интересовала точка зрения советской стороны по вопросу о коллективной безопасности, в основе которой лежала проблема прав человека. Молотов, отвечая на данный вопрос, заметил, что у него с Сульцбергером разное отношение к войне. «У нас сосредоточено внимание на военных вопросах, в то время как американцев, находящихся пока далеко от войны, больше интересуют послевоенные проблемы».⁷⁵

Играя на необходимости для СССР открытия Второго фронта, англо-американцы вновь намеренно не пригласили советских представителей на новую конференцию, проходившую с 14 по 24 августа 1943 г. в Квебеке.⁷⁶

Наглядно видно, что западные союзники, чувствуя необходимость их военного присутствия в Европе для Советского Союза, продолжали проводить политику своих интересов. Они всю использовали любые рычаги давления с целью ослабления тоталитарного режима в СССР, что в дальнейшем могло привести к падению советской власти.

⁷³ Земсков, И.Н. Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982. С. 188.

⁷⁴ Там же. С. 190.

⁷⁵ Там же. С. 194.

⁷⁶ Там же.

СССР понимал, что затягивание образования антифашистского блока было связано не только с дипломатией, но и с тем, что необходимо было преодолеть существующие предубеждения. Мироззрения людей, оказавшихся в это время в противоположных общественных структурах, строились на взаимоисключении коллективного устройства. В сложившихся условиях коммунистическое правительство Советского Союза для достижения доверия пошло на компромисс с западной демократией. В целях укрепления отношений с антигитлеровской коалицией в 1943 г. Сталин и его ближайшее окружение предпринимают ряд мер по некоторой демократизации политического курса Верховного комитета партии большевиков (ВКП (б)). В этих целях 15 мая, во время работы Вашингтонской конференции, было принято решение Президиума Исполкома Коминтерна о роспуске всех органов Коммунистического Интернационала. Советский Союз так поступил в целях укрепления антифашистской коалиции, этим же жестом также удовлетворялось одно из давних требований новых союзников СССР.

Одновременно с роспуском Коминтерна Сталин сменил своих послов в Вашингтоне и Лондоне. Вместо Литвинова и Майского, деятелей большевистского движения с дореволюционной поры, пришли два молодых чиновника - Громыко и Гусев, послушные исполнители полученных директив.⁷⁷

Но предпринятые шаги не оказали должного влияния на западных руководителей, не оправдывали социалистическое государство перед западной демократией. Нужен был шаг, доказывающий мировой общественности существование свободы внутри СССР. Таким шагом стало решение о нормализации отношений с религиозными организациями. И хотя главным моментом в этом вопросе были внутривнутриполитические проблемы, фактор сильного нажима мировой общественности явно этому способствовал.

⁷⁷ Боффа, Дж. История Советского Союза. М., 1990, Т. 2. С. 154.

2.2. Новый курс государственно-церковной политики в 1943-1945 годах

5 июня 1943 г. И.В. Сталин принял в Кремле наркома госбезопасности В.Н. Меркулова, который, согласно ранее полученным указаниям, представил проект совершенно секретного документа, именуемого «Мероприятия по улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР». Сталин внимательно прочитал все четырнадцать пунктов, сделал кое-какие поправки и тут же подписал постановление Государственного Комитета Обороны за № 3522 «СС» (совершенно секретно) об утверждении этих мероприятий. Этот документ означал новую веху в истории политической разведки СССР. В нем конкретно расписывались задачи и цели по сбору сведений надлежащего характера. И, если многие направления политической разведки для органов Госбезопасности были не новы, то сведения о религиозных организациях впервые попали в категорию серьезных интересов советской внешней разведки. И, конечно, далеко не случайно. Это стало предметом интереса советского государства и лично Сталина. В преддверии грядущих преобразований в Европе он трезво взвешивал шансы СССР в условиях мирного противостояния общественных систем. С одной стороны, симпатии народов Европы, государственных и политических лидеров к СССР как государству, спасшему европейскую цивилизацию от германского фашизма, с другой – настороженность, недоверие к СССР как большевистскому государству, печально известному своими репрессиями, своими преследованиями религии.

Одной из возможностей сближения разных государств и народов в новых условиях могла стать религия с ее универсальными ценностями и идеалами. Но для этого надо было показать уважение к ней, терпимость к «чуждым социализму ценностям». Однако внешнеполитические планы не ограничивались задачей завоевания симпатий европейских народов. В своих имперских амбициях шел Сталин гораздо дальше. Понимая, что в Европе «правит» могущественный Ватикан, он задался целью сломить римско-католическую империю. Возможности для этого, казалось, были. До октября 1917 г. Русская Православная Церковь имела паству во многих странах. Действовали церкви в Северной и Южной Америке, епархия в Бельгии, русские духовные миссии в

Иерусалиме, Китае, Корее, Австрии и Венгрии, подворья в Белграде и Софии. И вот Сталин решил превратить Русскую Православную Церковь в центр международного православия с политическим уклоном, своего рода «православный Ватикан», который мог стать духовно-нравственной опорой международной политики Кремля. Создание «православного Ватикана» путем объединения автокефальных церквей вокруг Московского Патриархата и перенесение центра вселенского православия в столицу коммунистической империи должно было идти под личным контролем И.В. Сталина и В.М. Молотова. А право на «оперативную инициативу» в осуществлении плана было предоставлено «куратору» Церкви – председателю Совета по делам Русской Православной Церкви, полковнику госбезопасности Г.Г. Карпову⁷⁸ и «специалистам» по внешним сношениям из Лубянки. И теперь становится понятным т.н. «новый государственно-церковный курс» с осени 1943 г., когда начался период организационного возрождения и укрепления обескровленной большевистским лихолетием Русской Православной Церкви, начало которому положила сентябрьская встреча митрополитов Сергия (Страгородского), Алексия (Симанского), Николая (Ярушевича) со Сталиным в Кремле.

4 сентября 1943 г. Сталин находился на даче в Кунцево. С утра он был замкнут, но ближе к обеду, неожиданно для Г.М. Маленкова⁷⁹ и Л.П. Берии,⁸⁰ увлеченно заговорил о Церкви. В тот день для обсуждения государственно-церковного вопроса был кроме Маленкова и Берии, приглашен и полковник госбезопасности Карпов – начальник отдела НКГБ, осуществлявшего негласный надзор за деятельностью Русской Православной Церкви. Никто из них не догадывался, что Сталин разыгрывает всего лишь дебют масштабной политической акции. Знал о ней только Молотов. В это время он уже работал над проектом коммюнике о встрече главы правительства с высшим духовенством.

При молчаливом участии Маленкова и Берии Сталин провел остаток дня в беседе с Карповым. Разговор шел о нуждах Православной Церкви, о личных судьбах и подробностях быта иерархов. Последнее особенно касалось

⁷⁸ Карпов Г.Г. (1898-1967)- в 1943-1960 гг. - председатель Совета по делам РПЦ при СНК СССР, генерал майор КГБ СССР.

⁷⁹ Маленков Г.М. (1902-1988) - в 1939-1957 гг. секретарь ЦК, генерал-лейтенант.

⁸⁰ Берия Л.П. (1899-1953) - в 1938-1945 гг. нарком внутренних дел СССР, одновременно с 1938 по 1953 г. - генеральный комиссар госбезопасности.

митрополита Сергия. Расспросил Сталин и о патриархе Тихоне.⁸¹ Вероятно, сравнивал авторитет Патриаршего Местоблюстителя с популярностью яркой личности последнего патриарха. Тот ли человек Сергей, на которого можно делать ставки в большой политике? Впрочем, выбор других кандидатур был невелик. К тому времени у Русской Православной Церкви оставалось только трое митрополитов. По стечению обстоятельств 4 сентября 1943 г. они все трое находились в Москве. Но больше всего Сталина интересовали связи Русской Православной Церкви с границей и отношения с руководством православных церквей Румынии, Югославии, Болгарии и Чехословакии. Повышенный интерес Сталина был не случаен. Заграничные связи Церкви играли важную роль в политическом замысле вождя.

Сталин открыто дал понять присутствующим, что его идея связана только с Русской Православной Церковью и не касается других вероисповеданий в стране. Функциональное значение «специального органа» следовало понимать как слепое и жесткое исполнение воли правительства, а точнее, его главы. И еще одна деталь в размышлениях Сталина непроизвольно обращает на себя внимание. Без тени сомнения он назвал важную церковную персону – патриарха.

О восстановлении патриаршества в кабальных условиях казарменной государственности Русская Православная Церковь могла только мечтать. Сталин же зримо ощущал фигуру первосвященника. И это понятно. Будет ли занят патриарший престол, в конечном счете, решал не обессиленный властью епископат, а всемогущий Сталин. Но дело не в его предусмотрительной отзывчивости. Просто помыслы духовенства и верующих удачно сочетались с тактическим замыслом Сталина. Его упоминание о патриархе, независимо от соборных процедур, уже означало высочайшее «быть по сему».

В завершение беседы, делая вид, будто бы соображение возникло сиюминутно, Сталин предложил принять митрополитов в Кремле не медля, дабы не откладывать разрешение «церковных нужд» на долгое время. Маленков и Берия встретили предложения с одобрением. Карпов получил указание связаться с Патриаршим Местоблюстителем. Митрополит Сергей томительно ожидал телефонного звонка. О возможной встрече с главой правительства он

⁸¹ Тихон (Белавин В.И., 1865-1925) - патриарх Московский и всея России в 1917-1925 гг..

был предупрежден заранее. Знали об этом и митрополиты Алексей и Николай. Но никто из них не был до конца уверен в твердости и искренности намерений Сталина. Всех троих не покидало чувство настороженности. Однако Карпов сразу же связался с митрополитом Сергием и сообщил ему: «Правительство имеет желание принять Вас, а также митрополитов Алексея и Николая, выслушать Ваши нужды и разрешить имеющиеся у вас вопросы».⁸² Более отрадного известия для митрополита Сергия быть не могло, однако холодная тональность административных фраз держала его внутреннее напряжение. Карпов настоятельно продолжал: «Правительство может Вас принять или сегодня же, через час-полтора, или если это время Вам не подходит, то прием может быть организован завтра (в воскресенье), или в любой день последующей недели».⁸³ Надо ли говорить об удобном для митрополитов времени приема? Разве только в разрезе дипломатической этики. Сталин не сомневался, что они пожалуют «в гости» тут же. Годы безрезультатных компромиссов с властью и пустых надежд на возрождение Церкви изнурили Патриаршего Местоблюстителя. Весной 1941 г. он горько сказал: «Мы живем в последние дни существования Русской Православной Церкви. Раньше нас большевики душили, но выполняли свои обещания; теперь они продолжают нас душить, но и обещаний не выполняют».⁸⁴ Через два часа митрополиты Сергей, Алексей и Николай прибыли в Кремль.

Десять страниц архивного дела раскрывают подробности почти двухчасовой беседы председателя СНК и Верховного Главнокомандующего с митрополитами. Запись была сделана Карповым. Сталин, как и подобает хозяину, был на этой встрече неудержимо любезен и доброжелателен. После его искренней благодарности за помощь Русской Православной церкви фронту митрополит Сергей сразу же высказал заветную просьбу о возможности созыва Архиерейского Собора для избрания Священного Синода и патриарха. Интересы Сталина и митрополита Сергия «совпадали». Глава правительства одобрительно оживился, но услышав от митрополита, что созвать Собор можно

⁸² Одинцов, М.И. Другого раза не было // Наука и религия. 1989. № 2. С. 9.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

не ранее, чем через месяц, недовольно спросил: «А нельзя ли проявить большевистские темпы?»⁸⁵

Сталин спешил. Близилась встреча в Тегеране. И дело было, пожалуй, не столько в признании его гуманного шага мировой общественностью и более близком расположении к нему Ф.Рузвельта и У.Черчилля, сколько в ожидаемой военной активизации союзников. Она могла помешать планам Сталина. Он спешил с открытием своего «второго фронта». Уже не слушая митрополита Сергия, Сталин распорядился через Карпова организовать доставку архиереев в Москву самолетами, выделив на это три-четыре дня. Следом было вынесено и решение о созыве Собора епископов – 8 сентября 1943 г.. Почувствовав действительную заинтересованность Сталина в церковных делах, митрополиты разговорились. Просьбы шли одна за другой. Митрополит Сергей захлопотал об открытии богословских курсов. Но Сталину идея Патриаршего Местоблюстителя не понравилась. Не было в ней показной солидности представительства Русской Православной Церкви. Поэтому Сталин предложил сразу открыть духовные семинарии и академии. Однако, встретив деликатное, но беспорное возражение митрополита Сергия («у молодежи не сформировано нужное мировоззрение для такого образования»), невольно произнес: «Ну, как хотите, это дело ваше, если хотите богословские курсы – начинайте с них, но правительство не будет иметь возражений и против открытия семинарий и академий».⁸⁶

На следующий вопрос митрополита Сергия, можно ли возобновить издание Журнала Московской Патриархии с публикацией в нем церковной хроники и богословских проповедей, Сталин согласно кивнул: «Журнал можно и следует выпускать».⁸⁷ Он был уверен, что печатный орган станет рупором пропаганды его идей.

Очередная просьба Патриаршего Местоблюстителя касалась открытия церквей: «Их мало – много лет не открывались. Нельзя ли дать право епархиальным архиереям входить в переговоры об этом с гражданской властью?»⁸⁸ Сказать о том, что храмы на протяжении многих лет насильственно закрывались и варварски разрушились, конечно, митрополит Сергей не мог. Но

⁸⁵ Поспеловский, Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 188-195.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

Сталин понял истинный смысл осторожной фразы митрополита. Видимо, поэтому митрополиты Алексей и Николай поспешили погасить проявление недовольства Сталина и отвести угрозу запрета: «Открывать церкви там, где их нет совсем или очень мало».⁸⁹ Но Сталин о запрете не помышлял. Наоборот, разрешение на открытие храмов входило в его планы: «По этому вопросу никаких препятствий со стороны правительства не будет».⁹⁰

Была у митрополитов и просьба, которая волновала более других, но высказать ее Сталину они побаивались. Наконец не выдержал митрополит Алексей. Он спросил у Сталина о возможности освобождения из ссылок, лагерей и тюрем архиереев. К тому времени в заточении и на высылке находилось не менее чем 17 епископов,⁹¹ с которыми иерархи церкви связывали надежды по возрождению религиозной жизни. Попытка освобождения собратьев из неволи была и долгом духовной совести митрополитов. На просьбу Сталин ответил без малейшего раздражения: «Представьте такой список, мы его рассмотрим».⁹²

Митрополит Сергей дополнил Алексея прошением о предоставлении права свободного проживания и передвижения по стране, а также права исполнять церковные службы для священнослужителей, отбывших по суду сроки заключения. Сталин поручил Карпову «изучить возможность решения и этого вопроса».⁹³

Следующей просьбой митрополита Алексея стало разрешение на отчисление денег из церковных касс для содержания Патриархии или Синода. В свою очередь, митрополит Николай побеспокоился о свечном деле: «Свечи изготовляют кустари, а нужны свечные заводы. Это будет удобнее и дешевле».⁹⁴ Последние просьбы митрополитов кажутся, на первый взгляд, менее существенными по сравнению с предыдущими. Но если учесть, что на уровне «государственного интереса» специальным инспекторам по наблюдению и негласным осведомителям НКВД строжайше предписывалось выслеживать и регулярно доносить, «откуда религиозные общества приобретают просвирки и

⁸⁹ Поспеловский, Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 188-195.

⁹⁰ Одинцов М.И. О встрече И.В. Сталина с руководителями Русской православной церкви 4 сентября 1943 г. // Атеистические чтения, №19. С. 8-12.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Поспеловский, Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 188-195.

свечи, месячный их расход и куда распределяются полученные деньги за проданные просвирки и свечи»,⁹⁵ то глубокая озабоченность митрополитов и этим станет весьма понятной.

Сталин сказал обращаясь к Карпову: «Надо обеспечить право архиереям распоряжаться церковными суммами. Не надо делать препятствий к организации свечных заводов». Затем, обернувшись к митрополитам, совершенно неожиданно добавил: «Если нужно сейчас, или если нужно будет в дальнейшем, государство может отпускать соответствующие субсидии церковному центру».⁹⁶ Очевидно, он увлекся, употребив столь сомнительно откровенный термин «церковный центр». Однако нельзя сказать того же о смысловом содержании всей фразы. Нет, Сталин не оговорился. И он не имел в виду «единовременное пособие» и не думал о подкупе. Речь шла о долговременной материальной поддержке. Безусловно, Сталин шел на компромисс с принципами государственной политики. Оказание финансовой помощи Церкви в корне противоречило известному ленинскому декрету от 20 января 1918 г. и, тем более, жестким циркулярам и инструкциям самого сталинского аппарата. По этому признаку марксисты любого толка (да и не только они) уже имели право смело судить о воссоединении государства и Церкви. Говорить неосознано о выделении субсидий Сталин просто не мог. Он отчетливо понимал политическую значимость рискованного шага, равно как понимали ее присутствующие. Но понимали они и другое – вождю подвластно все и его решения не подлежат обсуждению.

Не дав опомниться митрополитам Сергию, Алексею и Николаю от неожиданности щедрот, Сталин тут же продолжил: «Вот, мне доложил товарищ Карпов, что вы плохо живете: тесная квартира, покупаете продукты на рынке, нет у вас никакого транспорта. Поэтому правительство хотело бы знать, какие у вас есть нужды, и что бы вы хотели получить от правительства».⁹⁷

Митрополиты смутились. Продукты, конечно, покупали на рынке, но на это не жаловались. А вот в выделении автомашины помощь была бы желательна. Да и теснота квартир не обижала, правда, нет у Патриархии своего служебного помещения. По предложению митрополита Алексея Патриарший

⁹⁵ Поспеловский, Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 187-195.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же.

Местоблюститель Сергей попросил у Сталина разрешения занять службами бывший Игуменский корпус Новодевичьего монастыря. Однако дальновидный глава правительства приготовил для Патриархии свой «подарок»: «Карпов осмотрел (Игуменский корпус), там сыро и холодно, здание шестнадцатого века постройки. Вам завтра Правительство предоставит благоустроенное и подготовленное помещение – трехэтажный особняк на Чистом переулке, который раньше занимал бывший немецкий посол Шуленберг.⁹⁸ По-видимому, уловив вспышку настороженности у священнослужителей, Сталин поспешил их успокоить по-своему: «Имущество, мебель, – советские, сейчас покажем его план».⁹⁹

По вызову в кабинет вошел Карпов и подал Сталину план дома № 5 по Чистому переулку, его подвала, построек и сада. Сталин мельком взглянул на бумаги и разложил их перед митрополитами. Митрополитам Сергию, Алексею и Николаю, тронутым такой «заботой» правительства, оставалось одно – принять «подарок» с глубокой благодарностью. Действительно, нельзя отказать Сталину в далеком предвидении. Растерянность митрополитов нравилась Сталину и он повторил: «На рынке продукты покупать вам неудобно и дорого, и сейчас продуктов на рынок колхозник выбрасывает мало. Поэтому государство может обеспечить вас продуктами по государственным ценам. Кроме того, мы завтра-послезавтра представим в ваше распоряжение 2–3 легковые автомашины с горючим».¹⁰⁰

Растроганные вниманием митрополиты просить еще о чем-либо уже постеснялись. Сталин подвел итог встречи: «Если нет вопросов, то может быть будут потом. Правительство предполагает образовать специальный государственный аппарат – Совет по делам Русской православной церкви. Карпов во главе. Как смотрите на это?» Митрополиты Сергей, Алексей и Николай: «Весьма благодарны». Сталин: «Совет – место связи между правительством и Церковью. Председатель его должен докладывать правительству о жизни Церкви и возникающих у нее вопросах».¹⁰¹ Сталин с легкостью юридически и фактически втягивал Русскую Православную Церковь

⁹⁸ Поспеловский, Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 187-195.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Цыпин, В., протоиерей. История Русской Православной Церкви 1917-1990. М., 1994. С. 467-472.

¹⁰¹ Там же.

в свои политические интересы. Правда, это лукавство он притворно скрыл в своем обращении к Карпову: «Подберите еще два–три помощника, которые будут членами Вашего Совета, образуйте аппарат, но только помните: во-первых, что Вы не обер-прокурор; во-вторых, своей деятельностью больше подчеркивайте самостоятельность Церкви».¹⁰²

Заготовленное Молотовым коммюнике о приеме в Кремле существенных корректировок не требовало. Ссылаясь на позднее время, Сталин отказался от фотографа и проводил митрополитов до дверей. За порогом сталинского кабинета для митрополита Сергия, Алексия и Николая уже забрезжил новый рассвет духовной жизни церкви. Первым номером Журнала Московской Патриархии благодарное духовенство «отобьет» положенные поклоны Сталину в статье «Верховный вожь страны и Красной Армии».

События дальше развивались по принятому сценарию. Свободные клетки штатных ведомостей спешно заполнялись именами должностных фигур. 8 сентября 1943 г. на Соборе епископов был избран двенадцатый патриарх Московский и всея Руси – Сергий. НКВД без малейших проволочек отпускал «классовые» грехи уцелевшему в неволе епископату. Вскоре «прощенные» властью новоявленные архиереи заняли епархиальные кафедры и другие высшие церковные вакансии. Среди них архиепископы: Казанский – Андрей (Комаров), Ставропольский – Антоний (Романовский), Тульский – Иоанн (Братолюбов), Астраханский – Филипп (Ставицкий), Краснодарский – Фотий (Топиро) и Уфимский – Стефан (Проценко). Также из мест лишения свободы вернулись на службу епископы: Кировский – Вениамин (Тихоницкий), Свердловский – Варлаам (Пикалов), Ростовский – Елевферий (Воронцов), Молотовский – Александр (Толстопятов) и викарий Горьковской епархии епископ Лысаковский.¹⁰³

Кадровые бреши Церкви латались повсеместно. Особенно остро нуждались в духовенстве приходы. Стараясь решить и эту проблему, патриархия вынуждено дала разрешение на замещение должностей приходских

¹⁰² Цыпин, В., протоиерей. История Русской Православной Церкви 1917-1990. М., 1994. С. 467-472.

¹⁰³ Там же.

священников богословами-самоучками из числа мирян.¹⁰⁴ Не подозревая о тайных замыслах Сталина, Церковь жадно вдыхала воздух возрождения.

Тем временем полковник госбезопасности Карпов формировал свой аппарат. Правда, кадровые трудности были и у него. Чувствуя сомнительность фактического статуса нового государственного органа, люди старались уклониться от предложений сотрудничества на государственно-церковной ниве. Комплектовать же штат Совета одними чекистами, безусловно, было делом рискованным. В ночной беседе 13 октября 1943 г. на вопрос Молотова о том, как проходит организация Совета и есть ли какие трудности, Карпов с огорчением доложил: «Во-первых, не закончен внутренний ремонт особняка. Во-вторых, не полностью укомплектован штат Совета и сотрудники, направляемые отделом кадров Управления Делами Совета Народных Комиссаров (СНК), идут на работу в Совет неохотно».¹⁰⁵

Недовольный Молотов тут же позвонил управляющему делами Совнаркома Я.П. Чаадаеву: «Совету по делам Русской Православной Церкви нужно помочь во всех отношениях. Весь личный состав Совета нужно поставить в привилегированное положение. Выдайте соответствующие пайки для сотрудников аппарата».¹⁰⁶

Далее Карпов свидетельствует: «Молотов поинтересовался, кто будет у меня заместителем. Я доложил, что по согласованию с товарищем В.Н. Меркуловым (нарком госбезопасности), полковник госбезопасности товарищ К.А. Зайцев и, что соответствующее представление в ЦКВКП(б) товарищу Маленкову на товарища Зайцева я сделал».¹⁰⁷

На вопрос Карпова о подборе уполномоченных Совета на местах Молотов ответил: «В первую очередь, в областях, освобожденных от немцев, а также, где много церквей, целесообразно из чекистов».¹⁰⁸ Неясным до конца оставалось положение самого Карпова. Считать ли Совет обособленным от НКГБ органом, а работу в нем единственными прямыми обязанностями, либо считать Совет подразделениями подведомственного ему отдела НКГБ. Карпов решил выяснить: «Я совмещаю свою деятельность с обязанностями начальника

¹⁰⁴ Цыпин, В., протоиерей. История Русской Православной Церкви 1917-1990. М., 1994. С. 467-472.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Одинцов, М.И. Другого раза не было // Наука и религия. 1989. № 2. С. 10-13.

¹⁰⁸ Там же.

отдела НКГБ и имею поручение Меркулова спросить, освободить меня от последней должности или нет». Молотов: «Сейчас я Вам не могу сказать, мы еще подумаем». Но чуть помедлив, добавил: «Если Ваше должностное положение в НКГБ не публикуется в газетах и не придано официальной гласности, то я считаю возможным совмещение».¹⁰⁹ Думается, что нужды нет дальше комментировать выдержки из беседы Молотова и Карпова. Фактологически они достаточно красноречивы и понятны. Как бы ни возражали атеисты, но все-таки Русская Православная Церковь на протяжении многовековой истории Российского государства играла важную роль при сохранении национального самосознания. Примеров тому не счесть. Не стала исключением и Великая Отечественная война. Вопреки антирелигиозной позиции сталинского аппарата, образовалось широкое народно-патриотическое движение под знаменем Христа. Конечно, неуправляемое общественное течение нарушало тоталитарную композицию государственного механизма. Но запрещать, умалять или не замечать патриотическую деятельность Церкви было делом бессмысленным и даже компрометирующим для власти. В религиозной политике государства четко обозначился тупик. Сталин был вынужден обратить внимание на Русскую Православную Церковь. Но просто отступить он не думал. Любую компромиссную ситуацию вождь с ловкостью использовал в собственных интересах. Прежде всего, Сталин создал видимость полного взаимопонимания между государством и Церковью. «Кнут был сменен на пряник.» Однако его доля оказалась небольшой. Как и следовало ожидать, разрешение на беспрепятственное открытие храмов оказалось фарсом. Действительно, 28 ноября 1943 г. Совнарком СССР формально принял постановление за № 1325 «О порядке открытия церквей» и предоставил на этот счет значительные права верующим и соответствующие полномочия местным органам власти и вновь избранному Совету. Но в жизни все было по-иному. В откровенной беседе с Карповым Молотов заявил: «Пока не давать никаких разрешений на открытие церквей. В последующем по вопросу открытия церквей входить за санкцией в правительство и только после этого спускать указания в облисполкомы». Затем Молотов с досадой решительно заключил:

¹⁰⁹ Одинцов, М.И. Другого раза не было // Наука и религия. 1989. № 2. С. 10-13.

«Открыть церкви в некоторых местах придется, но нужно будет сдерживать решение этого вопроса за правительством».¹¹⁰

Для полной наглядности правительственного курса обратимся к цифрам. За 1944–1945 гг. в Совет поступило 5770 заявлений об открытии церквей, а было удовлетворено только 414 ходатайств.¹¹¹ И не удивительно, например, что после долгих отказов разрешение на открытие церквушки села Летово Рязанской области давал сам Председатель СНК республики А.Н. Косыгин.¹¹²

Показные уступки Церкви были сладкой приманкой в руках поводыря. За ширмой благополучия в религиозном вопросе для Сталина было важным поставить Церковь под жесткий контроль и одновременно сделать ее послушно управляемой в своей политической игре. Такую сложную и тонкую работу с личным участием он мог поручить только Наркомату госбезопасности, что, безусловно, в прямой постановке исключалось. Сталин нашел выход из положения. Он создал двуликий Совет. Но это одна сторона дела. Надо еще рассказать и о «втором фронте» Сталина.

Стратегическая инициатива в войне окончательно перешла в руки советского командования. В том, что враг будет разгромлен, Сталин не сомневался. И уже тогда, среди прочих политических замыслов, его беспокоил вопрос о разделе сфер влияния в Европе. Но кроме дележа, надо было и единолично властвовать. Сталин критически осознал собственный опыт и отчетливо понимал, что невозможно насильственно вытравить старую и привить новую идеологию народам, чьи жизненные устои тесно связаны с религией. Знал он и то, что люди в Европе больше наслышаны о «большевистском аде», чем о «коммунистическом рае». Он понимал, что преодолеть идеологический барьер можно было только при помощи религии. Как путем видимого сближения с ней, так и путем религиозной трансформации и передачи своих идей по церковным каналам. Сталин был уверен, что после долгих лет варварского гонения на веру его показной контакт с Церковью обяжет духовенство всячески крепить и превозносить авторитет народного

¹¹⁰ Одинцов, М.И. Другого раза не было // Наука и религия. 1989. № 2. С. 10-13.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же.

вождя среди христиан любой страны. Стоит только указать перстом. В религии и Церкви Сталин увидел своих искусных помощников.

А кроме этого Сталин решил превратить Русскую Православную Церковь в центр международного православия (как видно, его термин «церковный центр» на встрече в Кремле был допущен неслучайно) или, по-иному, в «православный Ватикан», но всецело подвластный ему, Сталину. Это и был «второй фронт» вождя. Для успешного осуществления замысла нужно было возвысить мировой авторитет Русской Православной Церкви. Для этого нужно было возродить Патриаршество. Далее Сталин решил вывести Церковь на международную арену антифашистской деятельности и обеспечить ей на этом поприще всеобщее признание. Антифашистская деятельность, именуемая миротворческой, началась сразу же в день избрания Сергия Патриархом – 8 сентября 1943 г. «Обращением Собора епископов Русской Православной Церкви ко всем христианам мира».¹¹³ Затем последовали частные обращения к православным верующим в страны Европы. За кратчайший срок Москву дважды посетила делегация английской церкви. Естественно, архиепископ Йорский пригласил делегацию Московской Патриархии в Лондон. Но это уже претило Сталину. Для него было главным создать видимость поклонения перед Русской Православной Церковью и продемонстрировать ее миру. Патриарх Сергий, не подозревая о кознях Сталина, обратился за разрешением на ответный визит к Карпову, тот – к Молотову. Молотов заключил: «От посылки в Англию церковной делегации следует воздержаться. В разговоре с патриархом, если он будет напоминать, скажите, что в силу национальной гордости, нам не следует кланяться и так быстро реагировать на их предложения. Одно дело, когда они приезжали к нам на поклон, другое дело нам ехать туда. Я считаю, что нужно воздержаться. Так вежливо и скажите патриарху».¹¹⁴

Сомнений нет, сталинский «специальный орган» и правительство (точнее, правительственный дуэт Сталин–Молотов) держали патриарха под непрерывным надзором. Он это понял. Да и как было не понять, если 1 ноября 1943 г. для всех приходов и церковных объединений Совет установил обязательную ежемесячную отчетность с подробным изложением всех сторон их деятельности.

¹¹³ Журнал Московской Патриархии. 1943. № 1. С. 14.

¹¹⁴ Поспеловский, Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 187-195.

Получив однажды отказ, патриарх Сергей не проявлял инициативы в международных сношениях. И даже после трехкратной просьбы греческой принцессы Ирины о приеме ее патриархией он так и не решился сделать запрос в правительство. Правда, Сталин об этом знал, но предпочитал помалкивать. Он по-своему видел пути к величию. В том числе и через недоступность личности.

Тем не менее, Сталин, при каждом ему удобном случае, показным образом подчеркивал свою добродетель и причастность к церковным делам. Ходить за примером далеко не надо. Например постановление СНК СССР за № 523 от 10 мая 1944 г. об открытии богословско-пастырских курсов в Саратове. И подписано лично Сталиным. Однако чисто духовные запросы верующих масс и священнослужителей вождь игнорировал напрочь. Их разрешение было отдано Совету. Вот одна из многочисленных записей Карпова: «Патриарх и епархиальные управления поставили перед Советом вопросы о возвращении некоторых «мощей» и «чудотворных» икон из числа находящихся в музеях. Мнение Совета по этому вопросу отрицательное».¹¹⁵

Сталин, Молотов, а с 1946 г. и К.Е. Ворошилов (заместитель председателя Совмина СССР) занимались делами поважнее. Вся «принципиальная информация» от Карпова поступала лично главе правительства, а «не принципиальная» и частные доклады шли на имя Молотова. Об этом также свидетельствует сам Карпов.¹¹⁶ Содержание этой информации предельно откровенно и лаконично. Например, в «Памятке вопросов для докладов тов. Молотову», датированной 21 августа 1945 г., пункт 7-й гласит: «О влиянии Русской Православной Церкви на Ближнем Востоке и оказание помощи правительством монастырям и школам на Ближнем Востоке, а также оказание материальной помощи лично Восточным патриархам».¹¹⁷

Сталин упорно добивался своей цели, невзирая на средства. Валюта фигурирует в большинстве отчетных документов. По-видимому, она и была одним из главных инструментов в сталинских операциях. Во всяком случае, 4 декабря 1946 г. Карпов докладывал Ворошилову следующее: «Вся заграничная работа, проводимая Московской Патриархией, как показывает опыт, потребует значительного расхода валюты. Так, например, необходима

¹¹⁵ Цыпин, В., протоиерей. История Русской Православной Церкви 1917-1990. М., 1994. С. 497-513.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же.

валюта на содержание представителей Московской Патриархии на Ближнем Востоке (Александрия–Египет, Бейрут–Ливан), на содержание экзархатов в Праге, Париже, в США. Есть и такие требования на валюту, как содержание экзархата и ремонт собора в Вене. Патриарх представил в Совет предварительную заявку на валюту на 1947 г.. Ее можно несколько срезать, но если нет возможности предоставить валюту, то заграничная работа не будет иметь успеха».¹¹⁸

Секрет щедрости Сталина прост. На этот счет следует напомнить, что в военные годы первосвятительства Патриарха (до 1944 г. митрополита) Алексия сборы средств среди духовенства и верующих на нужды обороны страны достигли апогея. Их общая сумма к весне 1945 г. уже превышала 300 млн. рублей, в том числе пожертвования драгоценными металлами в слитках, ювелирными изделиями и церковной утварью. Все эти средства поступали в госбюджет. Безусловно, свои валютные расходы на «миротворческую деятельность» Церкви правительство с лихвой компенсировало за счет тех же церковных пожертвований. Более того, государство выжимало из Церкви необходимые суммы. Наряду с добровольными взносами духовенства и верующих в Фонд обороны существовали и государственные поборы (иного слова здесь не подобрать). В Государственном архиве (ГАРФе) и г. С-Петербурге среди документов городского исполкома блокадного периода есть и такие свидетельства. Подобные документы можно обнаружить не только в С-Петербурге, но и в Москве, Нижнем Новгороде, Ставрополе, Краснодаре, Воронеже, Красноярске, Твери, Архангельске, Вологде. Сначала предлагали, а затем требовали. Используя Церковь, сталинский аппарат ловко вычищал народный карман. Добровольные пожертвования слились с выполнением плановых госзаданий.

Одни с неиссякаемым патриотизмом скребли по сусекам, другие раздавали из казны восточным патриархам. В церковных кассах постыдно лакомились и местные власти. «Предприимчивость» властей вышла за условно

¹¹⁸ Цыпин, В., протоиерей. История Русской Православной Церкви 1917-1990. М., 1994. С. 497-513.

возможные рамки приличия. Видимо, опасаясь огласки и дальнейшего расширения неблагоприятных дел, Карпов в декабре 1946 г. доложил Ворошилову следующее: «Совет находит своевременным поставить вопрос о прекращении как сборов, так и отчислений со стороны Церкви на общественно-патриотические цели, о запрещении принимать, а тем более требовать от Церкви пожертвования на какие бы то ни было нужды советских органов».¹¹⁹

Всеми способами государство обеспечивало материальную основу глобальным внешнеполитическим замыслам, в которых Церкви отводилось первостепенное значение.

10 апреля 1945 г. состоялась беседа Сталина с патриархой Алексием. На ней заинтересованный в международной деятельности патриархии председатель Совнаркома обещал дальнейшую поддержку планам и нуждам церковного руководства. И вскоре правительство постановлением от 22 августа 1945 г. представило патриархии, епархиальным управлениям, приходским общинам, вопреки ленинскому декрету 1918 г. об отделении церкви от государства, ограниченное право юридического лица. Им разрешалось открывать финансовые счета, заключать сделки, покупать строения, открывать предприятия, осуществлять найм работников. Приходы получили возможность снова пользоваться колокольным звоном. Используя открывшиеся возможности, в 1945 г. Ленинградские епархиальные власти в целом успешно развивали свою деятельность. Важнейшим достижением было возобновление после длительного перерыва духовного образования. 22 ноября состоялось открытие Ленинградских Богословско-пастырских курсов. А через год, 1 сентября 1946 г. в городе на Неве под своим традиционным названием "Академия" возобновила работу Высшая богословская школа. Характерно, что из принятых на первый курс учащихся, около половины составляли недавние участники войны - офицеры и солдаты. Таким образом, обращение к Церкви в блокадном Ленинграде носило массовый характер, более значительный, чем в большинстве других районов страны. Религиозный фактор сыграл очень существенную роль в обороне города. Действовавшие весь период блокады храмы активно способствовали мобилизации материальных средств и духовных

¹¹⁹ Цыпин, В., протоиерей. История Русской Православной Церкви 1917-1990. М., 1994. С. 497-513.

сил ленинградцев. Это не могли не учитывать городские власти, их церковная политика начала меняться еще до кардинального изменения общегосударственного курса. В то же время, "потепление политического климата" затронуло не все религиозные движения. Оппозиционные советской действительности церковные группы и организации продолжали выявляться и репрессироваться органами госбезопасности. Да и общее изменение религиозной политики носило во многом показной, временный характер. И все же основная часть Русской Православной Церкви начала бурно возрождаться в годину тяжелых испытаний для русского народа.

Заключение

К началу Великой Отечественной войны по-прежнему число верующих в СССР оставалось значительным. Материалы переписи 1937 г. свидетельствовали о традиционной верности христианской вере. В этой связи важным являлось отношение к войне Русской Православной Церкви, выразившееся уже в первый день войны в послании митрополита Московского и Коломенского Сергия. Он обратился к народу 22 июня 1941 года в день праздника Всех святых земли русской. Его пасторское послание было разослано по всем приходам. Это было нарушением действовавшего закона, согласно которому запрещалась какая-либо церковная деятельность вне церковных стен, как любое вмешательство в государственные дела.

В октябре, когда немцы приближались к Москве, митрополит Сергий выступил с посланием, осудившим тех священнослужителей, которые, оказавшись в местах под оккупацией, начали активно сотрудничать с немцами. Весьма важными и требующими особого внимания представляются в этой связи вопросы, связанные с положением Русской Православной Церкви на оккупированной территории. Не секрет, что фашизм нуждался в религиозном оправдании и использовал для освящения своего положения между прочим и христианство.

Московский Патриархат осудил поступивших на службу к фашистам православных священнослужителей, не признал каноничности церквей созданных ими под покровительством фашистских оккупационных властей. Признание богословской теории войны руководителями Московской Патриархии не привело их к антигуманному и антинародному политическому выводу. Подавляющее большинство лидеров Русской Православной Церкви выступили как патриоты русского народа.

Первой уступкой церкви со стороны государства было последовавшее с 1942 г. разрешение совершить в Москве пасхальный крестный ход. С первых же дней войны Церковь неустанно взывала население к патриотизму. Особенно деятелен в этом был митрополит ленинградский Алексей, которому разрешили остаться в осажденном городе для того, чтобы поддержать дух его жителей. Он провел в Ленинграде 900-дневную блокаду. «Бог судил нам», писал Алексей

«испытать бедствие, обрушившееся над родной землей, испить горькую чашу временного порабощения фашистскими злодеями».¹²⁰ Решением Верховного Совета СССР митрополит Алексей был в конце войны награжден медалью «За оборону Ленинграда».

Смягчение антицерковной политики правительства проявилось в возможности открыть новые приходы, возобновить богослужения в заброшенных храмах. В печати почти полностью прекратилась антирелигиозная пропаганда. В 1947 г. полностью прекратил свое существование «Союз воинствующих безбожников». Были закрыты некоторые антирелигиозные музеи.

Митрополит Сергей предпринял важный шаг по пути фактической легализации церкви. 5 января 1943 г. он послал Сталину телеграмму с просьбой разрешить открыть церковный банковский счет, на который бы вносились все деньги, пожертвованные на оборону в церквях страны. Сталин разрешил церкви открыть этот счет в государственном банке для сбора пожертвований в Фонд обороны. Это решение практически вернуло Русской Православной Церкви статус юридического лица отнятого декретом «Об отделении церкви от государства 1918 г.». В результате, по имеющимся данным, к весне 1945 г. было церковью собрано более 300 миллионов рублей.

Причин, побудивших советскую власть изменить свою политику по отношению к церкви, было несколько. Надо отметить, что советская власть не решилась делать ставку в этой страшной войне только на коммунистическую идеологию. Православный патриотизм оказался той силой, на которую можно было опереться. Большую роль сыграли и дипломатические причины. Прежде всего приближение Тегеранской конференции. Она способствовала переходу из плоскости разговоров к практической выработке шагов по открытию Второго фронта. В то же время это было начало борьбы за сферы влияния как в Европе, так и во всем мире в послевоенные годы. Частичная нормализация отношений между церковью и государством должна была также изменить отношение эмиграции к советскому режиму.

Существенный поворот государства лицом к религии произошел после встречи митрополита Сергея, а также митрополитов Алексея и Николая и

¹²⁰ Шкаровский, М.В. Вклад Ленинградской епархии в победу над фашизмом. СПб., 2007. С. 4-8.

Сталина 4 сентября 1943 г. в Кремле. Уже через четыре дня после этой встречи, в Кремле состоялся Архиерейский Собор при участии 19 архиепископов, многие из которых были доставлены в Москву из лагерей и ссылок. Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергей был единодушно выбран патриархом Русской Православной Церкви. Собор также избрал Священный Синод.

19 сентября 1943 г. на кафедральном Богоявленском соборе состоялась интронизация патриарха. После избрания патриарха процесс нормализации отношений между Русской Православной Церковью и советским правительством получил новый импульс. 14 сентября 1943 г. И.В. Сталин подписал постановление «Об организации Совета по делам Русской Православной Церкви».

Большое значение в церковной жизни приобрело подготовленное Советом по делам Русской Православной Церкви и утвержденное правительством 28 ноября 1943 г. постановление «О порядке открытия церквей». Документ устанавливал достаточно сложную процедуру, в результате соблюдения которой впервые после антирелигиозной кампании 20-х, 30-х годов у верующих появилась все-таки возможность восстановить деятельность некогда закрытых культовых заведений. Амнистия многих церковных деятелей, репрессированных в 30-е г., открытие культовых учреждений, духовных учебных заведений, разрешение издательской деятельности позволили улучшить положение православия. Новая религиозная политика большевистского руководства дала возможность Русской Православной Церкви обеспечить рост практически по всем показателям своего развития.

Для контроля за развитием религиозной активности государственные органы управления использовали институт уполномоченных по религиозным вопросам. Он создавался параллельно с Советом по делам Русской Православной Церкви и должен был своевременно и точно реализовать его директивы на местах. Согласно положению о Совете, утвержденному 7 октября 1943 г. в каждой союзной, автономной республике, крае и области при высшем исполнительном органе власти, вводилась должность уполномоченного по делам Русской Православной Церкви.

Подчиняясь напрямую руководству Совета, уполномоченные при согласовании с местной администрацией обязывались осуществлять

наблюдение за религиозной обстановкой во вверенной территории. Круг обязанностей уполномоченного сводился к следующему: установление контроля за своевременным принятием к исполнению всеми местными органами власти законов и постановлений правительства, относящихся к жизнедеятельности церкви, учет всех действующих и закрытых культовых учреждений и определение их возможности для использования по назначению, рассмотрение заявлений, ходатайств верующих об открытии церквей, молитвенных домов и выработка предварительного заключения для решения этих вопросов со стороны органов власти, информация (в виде поквартальных отчетов и статистических сводок) о состоянии религиозных дел на подконтрольных уполномоченным участках.

Как правило, подбор и расстановка кадров уполномоченных осуществлялись местными органами власти. На эту должность решениями областных исполкомов назначались люди, имевшие стаж работы в партийных структурах, общественных организациях, исполнительных комитетах или органах внутренних дел.

Назначение уполномоченных по делам Русской Православной Церкви и формирование их административного аппарата практически во всех регионах страны было осуществлено в январе-феврале 1944 г..

Во второй половине Великой Отечественной войны церкви могли обеспечить себя церковной утварью, осуществлять ремонтно-реставрационные работы, содержать певчих, выплачивать заработную плату церковнослужителям, делать взносы в Фонд обороны. К 1945 г. религиозные организации решением СНК СССР получили права юридического лица. Разрешено было открывать финансовые счета, заключать сделки, покупать строения, открывать предприятия, осуществлять найм работников. Открывались духовные семинарии, академии, монастыри. Но малейшее превышение предоставленных Церкви государством прав незамедлительно порождало негативную реакцию. Начало деятельности священнослужителя и все последующие шаги были невозможны без соответствующих санкций органов управления. Активная церковная деятельность пастырей часто вызывала сопротивление структур власти и ставилась вне закона. Крайне сложной и громоздкой была процедура открытия церквей. Ходатайства верующих и священнослужителей с просьбами об открытии культовых учреждений, о

разрешении проводить церковные ритуалы и обряды часто не преодолевали бюрократические барьеры. Ходатайства принимались к рассмотрению органами власти после тщательной проверки. Сроки подготовительно-проверочной работы администрации не определялись законодательно. Приняв дело к рассмотрению, органы власти имели широкие возможности официально отказать просителям. Причины отказа могли быть многообразны. Положительно решалось не более 20 % требований. Система инстинктивно не допускала полного и быстрого возрождения религиозных традиций. Не отказывая открыто верующим в реализации их законных прав, обозначенных в постановлениях правительства, властные структуры стремились, как можно дольше затянуть решение вопросов, тем более что противоречивость документов предоставляла для этого широкие возможности. Чиновники, ожидая скорой отмены указаний сверху, стремились под разными предлогами притормозить ход событий. Однако, подавляющее большинство православного духовенства, осуществляло свою деятельность в период Великой Отечественной войны честно и достойно, несмотря на нехватку кадров, материальных средств в условиях половинчатости проводимых государством мероприятий. Тем не менее, объективные процессы, обусловленные необходимостью спасения отечества должны были определить пусть временный, но очень нужный на данном этапе государственно-церковный компромисс. Таким образом, мы видим, что государство изменило свое отношение к Церкви исходя из насущных интересов внутренней и внешней политики и требований общественности. Однако следует подчеркнуть, что фактор внешней политики в этом случае, сыграл второстепенную роль.

Narvalíková, V. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. Praha 2009. Bakalářská práce. FFUK v Praze. ÚSVS. Vedoucí práce PhDr. Marek Příhoda, Ph.D.

Резюме

Целью настоящей работы является исследование взаимоотношений государства и Русской Православной Церкви в СССР в годы Великой Отечественной войны и особенностей государственной политики в отношении к церковным организациям. В первой части работы подробно описана роль Русской Православной Церкви в борьбе против захватчиков и исследованы основные направления ее деятельности в годы Великой Отечественной войны. Во второй части работы выявлены основы взаимоотношений советского государства и Церкви и причины сближения их интересов в годы войны. В заключении работы исследован новый курс государственно-церковной политики в 1943-1945 гг., его причины и последствия.

Narvalíková, V. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. Praha 2009. Bakalářská práce. FFUK v Praze. ÚSVS. Vedoucí práce PhDr. Marek Příhoda, Ph.D.

Summary

The aim of this thesis is to explore relationship between soviet state and the Russian Orthodox Church in the USSR during period of the 2nd World War, to add more, special approach of state politics towards church and its organizations. In the first part of this thesis is depicted role of the Russian Orthodox Church in fight against the fascist enemy (occupants) and examination of the Russian Orthodox Church activities during the 2nd World War. In the second part of this thesis are described basics of mutual relationships between soviet state and the church, the reason of their mutual

understanding during the war. In the end of this thesis is examined new goal of state-church politics during the period of 1943-1945, its causes and consequences.

Список использованных источников:

1. Алексеев, В.И., Ставру, Ф.Г. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. 1981. № 13.
2. Беглов, А.Л. К вопросу о масштабах патриотической деятельности Русской Православной Церкви в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М., 2007.
3. Боффа, Дж. История Советского Союза. М., 1990. Т. 2.
4. Васильева, О.Ю. Советское государство и деятельность Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны. М., 1990.
5. Veber, V. Komunistický experiment v Rusku 1917-1991 aneb Malé dějiny SSSR. Praha, 2001.
6. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1982. Т. 1.
7. Grajewski, A. Z dějin Pravoslavné církve v SSSR. Praha, 1997.
8. Григулевич, И.Р. Папство, век XX. М., 1981.
9. Долг христианина перед Церковью и родиной в эпоху отечественной войны // Журнал Московской Патриархии. 1943.
10. Земсков, И.Н. Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982.
11. Иоанн, митрополит. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1994.
12. Кузнецов, И.Н. Отечественная история. М., 2008.
13. Мунчаев, Ш.М., Устинов, В.М. История России. М., 2007.
14. Одинцов, М. И. Другого раза не было // Наука и религия. 1989. № 2.
15. Одинцов, М.И. О встрече И.В. Сталина с руководителями Русской Православной Церкви 4 сентября 1943 г. // Атеистические чтения. 1943. № 19.
16. Одинцов, М.И. Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938–1943 гг.) // Наука и религия. 1985. № 2.
17. Орехов, Д. В. Святые иконы России. СПб., 2000.
18. Орлов, А.С., Георгиев, В.А., Георгиева, Н.Г. и др. История России. М., 2005.
19. Поспеловский, Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995.
20. Семин, В.П. История Отечества. М., 2007.

21. Сергей, митрополит Московский и Коломенский, Патриарший Местоблюститель. Церковная жизнь на территории оккупированной России и Украины в годы Великой Отечественной войны. Материалы церковно-общественной конференции «За други своя». М., 2005.
22. Сообщения из епархий // Журнал Московской Патриархии. 1944. № 4.
23. Сообщения из епархий // Журнал Московской Патриархии. 1944. № 10.
24. Сталин, И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952.
25. Stroyen, W.B. Communist Russia and the Russian Orthodox Church 1943-1962. Washington, 1967.
26. Судоплатов, П.А. «Остаюсь единственным живым свидетелем...» // Молодая гвардия. 1995. № 5.
27. Цыпин, В., протоиерей. История Русской Православной Церкви 1917-1990. М., 1994.
28. Хрущев, Н.С. Мой 20 век. М., 1997.
29. Шкаровский, М.В. Вклад Ленинградской епархии в победу над фашизмом, СПб., 2007.
30. Шкаровский, М.В. Германская церковная политика и «религиозное возрождение» на оккупированной территории Белоруссии, Прибалтики и Северо-Запада России. М., 1997.
31. Švankmajer, M. a kol. Dějiny Ruska. Vydání 4.. Praha, 2004.
32. Яковлева, Н.С. Третий рейх и Православная Церковь // Наука и религия. № 5. 1995.